

Юрий Колонтаевский

На ладожских ветрах

Библиотека классической и современной прозы

Юрий Колонтаевский
На ладожских ветрах

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Колонтаевский Ю.

На ладожских ветрах / Ю. Колонтаевский — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907254-62-6

В сборник вошли три пьесы Ю.Ф. Колонтаевского: «На ладожских ветрах», «Затмение», «Наследники победителей». Проблемы, поднимаемые в произведениях, актуальны во все времена: честность и порядочность, ответственность и равнодушие, умение сохранить человеческий облик, несмотря на обстоятельства и окружение, и человеческая слабость, приводящая к подлости и предательству. Где бы ни разворачивались события, описанные в пьесах: будь то коммунальная квартира, или конструкторское бюро, или даже кабинет президента – в центре всегда оказываются судьбы людей... Такие разные: счастливые и несчастные, сложившиеся и разрушенные волею случая, трагические и успешные... Они заставляют читателя пережить разные эмоции – от сочувствия до ненависти, но одно точно – они никого не оставят равнодушным.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907254-62-6

© Колонтаевский Ю., 2020
© Продюсерский центр ротации и продвижения, 2020

Содержание

Автобиография	6
На ладожских ветрах	8
Действие первое	9
Действие второе	32
Действие третье	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юрий Колонтаевский На ладожских ветрах

Автобиография

Я родился 9 декабря 1937 года в городе Керчь.

Война изгнала мою семью в эвакуацию, в Ташкент – под крыло к бабке. В 1955 году закончил в Ташкенте среднюю школу с золотой медалью и поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики на радиотехнический факультет, который закончил в 1961 году. Профессия уникальная: инженер-радиомеханик.

До 1995 года работал по специальности в научно-исследовательских и конструкторских организациях. Тогда же создал предприятие «Система» по разработке и изготовлению учебного оборудования для общеобразовательной, профессионально-технической и высшей школы по физике и радиоэлектронике.

В семидесятые годы некоторое время преподавал в техническом училище и одновременно писал учебник для училищ профтехобразования «Радиоэлектроника», заказанный издательством «Высшая школа». Учебник вышел в свет в 1988 году тиражом 150000 экз. в том же издательстве и был отмечен серебряной медалью ВДНХ. Позже был издан огромным тиражом «Практикум по радиоэлектронике», призванный методически оснастить разработанное с нуля оригинальное лабораторное оборудование.

В конце семидесятых в издательство «Советский писатель» была сдана рукопись первого моего романа «Люди как реки», которую достойно отрецензировали большие писатели, а издательство одобрило к печати и включило в план. Следом начались неприятности. Издание оттягивали три года под разными предлогами. Как я теперь понимаю, искали убийцу. Успешно нашли – в те годы это было несложно сделать. Рецензия выглядела доносом. В результате отредактированный и сверстаный роман без каких-либо объяснений был выброшен из плана. Издать его удалось только в 1990 году в издательстве «Художественная литература».

В 2007 году вышел сборник «Пьесы», состоящий из трех полнометражных пьес.

В том же году приступил к эпопее «Хроники иступленных», две книги которой подготовлены к печати в питерском издательстве. Первая книга уже вышла и представлена в электронном виде в магазине «ЛитРес» и каких-то других. Качество издания, к сожалению, ничтожно, придется все начинать сначала. Третья, заключительная книга, пишется медленно, без надежды на завершение и издание.

Продолжаю с удовольствием работать в собственной лаборатории, уцелевшей после погрома моего довольно успешного предприятия. Усердно занимаюсь разработкой демонстрационных приборов и лабораторных комплектов по физике. Заодно приглядываюсь к современной поросли инженеров, надежд на энтузиазм которых не испытываю, и оттого временами становится грустно и даже тоскливо.

Готовится переиздание двух пьес из сборника 2007 года и одной новой пьесы. Ни малейших потуг к реализации пьес на сцене не предпринимал и уже не предприиму, но издать их считаю своим долгом.

Только что вышел основательно переработанный мой первый роман «Люди как реки». Электронная версия уже в магазинах.

Основываясь на опыте, полученном при мытарствах с первым романом, никогда ни с кем ни бодаться, ни договариваться не буду. Эту охоту отбили у меня навсегда. Попробую также, если позволит жизнь, собрать сборник повестей и рассказов разных лет.

Если говорить по большому счету, я по-настоящему счастливый человек. Жаль только, что среди живущих совсем не осталось друзей. Словом перекинуться не с кем...

На ладожских ветрах

Драма в трех действиях

Действующие лица

Замятин Иван Егорович – начальник конструкторского бюро завода
Охлобыстин Иван Антонович – начальник первого отдела
Карякина Ольга Владимировна – заведующая конструкторским отделом
Леха Замятин – инженер-технолог, муж Карякиной
Дима – инженер-конструктор
Слава – инженер
Алик – инженер
Вересов Юрий Андреевич – представитель головного НИИ
Елена – жена Вересова
Жанна – секретарь Замятина
Егоров Николай Иванович – начальник главка
Соловьев Виктор Афанасьевич – директор серийного завода

Действие первое

Кабинет Замятина, начальника специального конструкторско-технологического бюро опытного завода. Просторная комната, стол самого начальника, поодаль – длинный стол для заседаний. Стулья вдоль стен и стола. Задняя стена кабинета – широкое, от пола до потолка окно. В окно видна территория опытного цеха – обширное пространство с редкими чахлыми деревцами. На отдалении – обвалованная мастерская, над валами возвышается только плоская ее крыша, по валам расставлены громоотводы. С наружной, видимой зрителю стороны вала бункер для наблюдателей – пульта под бетонным козырьком – навесом.

За столом, сутулясь, сидит озабоченный хозяин кабинета Замятин Иван Егорович. Перебирает бумаги, раскладывая их в стопки – по важности.

На пороге возникает странная, пришибленная фигура. Это Охлобыстин, начальник первого отдела. Небольшого роста, щуплый, незаметный и довольно старый, но взгляд пристальный, цепляющийся, привыкший подмечать мелочи. Он неловок, потому что изрядно пьян. В руках у него стопка свежих газет и писем – утренняя почта. Молча подходит к столу Замятина, все это укладывает на свободный уголок стола. Одну газету разворачивает и помещает перед начальником, наводит на столе порядок, обходя его по кругу. Чувствуется, что он проделывает эту процедуру каждый день, и ему не нравится беспорядок, неизменно возникающий в подопечном хозяйстве. Он жуёт губами, бубнит самому себе что-то неразборчивое.

З а м я т и н (раздраженно). Ну чего ты мельтешишь? Не надоело? Уходи, без тебя тошно.

О х л о б ы с т и н (невозмутимо, продолжая бубнить). То-то и оно, что без меня тошно. Ты это правильно подметил, угодил, считай, в самую точку. Как ты без меня-то? Ты-то сам-один на что годен? Вот и теперь... Приехал, понимаешь, какой-то хрен с бугра, а у тебя уж и поджилки того... По идее у меня должны трястись эти самые поджилки, мать их за ногу... Так что сиди, не вякай. Не твоего это ума дело, умник, это дело дипломатическое, оно особенного подхода требует...

З а м я т и н (почти кричит, перебивает). Ну что ты несешь?

О х л о б ы с т и н (взрывается). Я несу? И это говоришь мне ты? Тля поганая! Тогда давай сызнава. Давненько не прочищал тебе мозги... Напоминаю по порядку. Когда я этого козла вязал и пускал в разделку, ты, дружок евонный, в каком образе предо мною стоял? Что говорил, что подписывал, помнишь ли, скотина? А я напомню тебе, не постесняюсь: ты натуральный поклеп подписывал – классический поклеп. Доносом называется. Теперь вдруг засвербела душа? Ясно же как божий день. Знаешь, разбойник, что в моем архиве все целехонько, ни одна бумажка не утрачена, уж я постарался... И ведь как далеко смотрел – предвидел, теперь пригодилось. Ты на моих глазах закопал человека. Жевал сопли, мямлил о революционной бдительности... Сучий потрох... Ладно я. Мне по должности положено отлавливать всякую шелупень, и неважно, что я думал обо всем этом, но ты-то, красный специалист, можно сказать, ты-то – как же ты так промахнулся, пес? Заодно хапанул бабу, не побрезговал – с чужим-то брюхом. Это как называется? А? А что как захочется этому, который с бугра, ознакомиться, так сказать, с истоками?..

З а м я т и н . Ты же мне сам сказал, что она следом пойдет, если...

О х л о б ы с т и н . Нашел оправдание? Ничего такого я не говорил. Я дал понять, что лишний довод не помешает, чтобы ты посговорчивей был, а вот говорить не говорил. Сам придумал – себя успокоить. Теперь что же, из обоймы желаешь выскочить? Ничего у тебя не выйдет.

З а м я т и н . Ничего я не придумал. Ты меня сразу вызвал и сказал... Ты не помнишь...

О х л о б ы с т и н . Черта с два, я все помню. Дурак ты, дурак. Они же не расписанные жили, башка, так хороводились, по-скорому.... Вот ежели бы расписаться успели, тогда другое дело, тогда бы ни тебя, ни меня и спрашивать не стали, а взяли бы заодно, чтобы племя, значит... пресечь. Понял, нет? Ты же долго до того глаз на нее положил, я не слепой – видел. Облизывался как кот на сметану... Немудрено, баба классная...

З а м я т и н . Что мне делать теперь, умник?

О х л о б ы с т и н . А ничего. Сиди на заднице как ни в чем не бывало, помалкивай. Главное – помалкивай. Мы с тобой не прохлаждались, тоже хватили лиха, пахали не за страх, а за совесть. А в войну? Немец по территории чуть ли не прямой наводкой шпарит, головы не поднять, сами – доходяги, а продукцию гоним, да еще какую продукцию – вся, почитай, под микитки этому самому немцу. Помнишь, как тебя контузило и засыпало? Едва откачали. Хорошо еще, этот раздолбай Рабинович вовремя подвернулся, мастак парень, мигом в чувство привел. Мы его позже разоблачили. Ничего, он и там не пропал, как ни крути, а Рабинович всюду Рабинович. Прошлый год явился, память, вишь, ожила, потянуло в знакомые места, все ходил, вынюхивал. Мне докладывали. Человеком стал, книжки писать натыркался. Меня увидел, аж в лице переменялся, руки не протянул, скотина. Шкурой помнит мою обработку, медик хренов. Мы с тобой работали, и хорошо работали. Сколько одних диверсантов переловили – пропасть... Тебе орден за что дали? За пороха, за тол? Ничего подобного. Один я знаю, за что. А Николай, что ж, Николай действительно пострадал безвинно, соглашусь. Так не высывался бы, сидел бы тихо, авось и пронесло бы. Куда там, невтерпеж ему, видишь ли, правду искать схотелось, правдоискатель долбаный. Ненавижу таких, им, оказывается, больше всех надо. Вот и поныне от них происходят все наши беды, от этих уродов с квадратными головами. Уж я ли не повидал недоумков... во всевозможных ракурсах, мать их, перемать...

З а м я т и н (*тоскливо*). Страшный ты человек, Охлобыстин. Страшнее человека не знаю.

О х л о б ы с т и н . Во мне ничего страшного нет, Ваня. Сказки все это, не слушай – бред. Я строг, этого не отнимешь. Я очень строг, ежели мне поперек стать... Жаль, что у тебя нет опыта общения со мной с глазу на глаз. Вот тогда ты сообразил бы, что я вовсе... не страшен...

З а м я т и н . Упаси бог. Ты... пальцы людям ломал... не страшно ли? Бодягин рассказывал, будто была у тебя приспособлена дверца такая. Туда пальцы совали, а ты как прижмешь неожиданно и... всмятку. Можно ли пальцы живому человеку ломать? Как же они кричали при этом...

О х л о б ы с т и н . А не упорствуй. Упорство до добра не доводит. Этот козел Бодягин у меня еще допрыгается. Мало ему, видать, перепало. Пускай благодарит, что живым ноги унес. Вот скажи на милость, какого черта он сюда притащился, ведь определили на жительство в Казахстане, вроде хорошо устроился, семьей обзавелся, детками, так нет, сюда потянуло... Романтик хренов. Дай срок, займусь этой персоной. Прописки не получит ни в жизнь, а уж комнату свою – тем более. Вишь, чего захотел. Дудки. Дураков нет, чтобы комнаты отнимать у заслуженных тружеников, у наших активистов и отдавать черт знает кому. Нам товарищ Игнатьев помогал безотказно. Мой, можно сказать, актив. И зачем Бодягина взяли на работу, не понимаю директора. Жалко стало? Он-то, приди его время, не пожалеет. До чего же упорный, гад. Представляешь, не углядели, как прописался временно, на той стороне Невы, каждый день на пароме – туда и обратно. Теперь вознамерился здесь прописаться и на постоянно. А хрена не хочешь?

З а м я т и н . Интересно, а ты теперь слышишь голоса тех... кого дверцей?..

О х л о б ы с т и н . Опять за рыбу гроши? В который раз говорю – нет, не слышу. Представь себе, ничего такого не слышу. Голоса, сновидения – сказки для слабаков. Мы руководствовались революционной законностью, остальное – по фигу. Как же свободно дышалось тогда. Руки были развязаны, все твои вины – прошлые, будущие ли – приняли на себя другие, у

которых власть и ответственность. А ты всего-навсего винтик жалкий, крутишься, вертишься, винчиваешься, вывинчиваешься...

З а м я т и н . А что – как явятся те, которых ты... дверцей? Явятся и предъявят счет. Как будешь выкручиваться?

О х л о б ы с т и н . А выкручусь, Ваня, не бойсь, Иван – найду, что ответить. За мной не залежится... А вот ты как?

З а м я т и н . А что я? Я дверцей не заведовал.

О х л о б ы с т и н . Ты, хитрован, рядышком отирался. Ладно, Ваня, шутки в сторону. Ну и что, что начальник главка, подумаешь – птица... Было времечко мы таких... волоком по коридору, идти уж не могли, к стенке, бывало-че, прислонишь и... в затылок. Меня частенько на Литейный звали, когда запарка... Выручал товарищей. Да, когда волоком, орали здорово, чувляли паскуды, чем пахнет... И, что показательно, мочились. Все мочились, не веришь?.. Бабы – те мочились скоро, чуть надавишь, а эти – стойкие, но в конце ломались... герои хреновы.

З а м я т и н . Прекрати!

О х л о б ы с т и н . Не будь слабаком, Иван. Слабаки – они первые в очереди... Так что смело гляди в глаза... Мы не в детские игры играли, мы власть берегли. Без нас что было бы, представить страшно. Войну бы проиграли, уж это как пить дать...

З а м я т и н . Что-то ты сегодня разговорился. Молчишь, молчишь, а тут как из прорвы... Ладно, некогда предаваться воспоминаниям. Поеду встречать... А не хочется как, если б ты знал. Плюнул бы на все, закатился бы на охоту...

О х л о б ы с т и н . Так охота еще не открыта.

З а м я т и н . Это я так, к слову. В листья мне хочется закопаться, и чтобы до весны не нашли...

О х л о б ы с т и н . Ладно, пойду. Ты держись, Иван. Если что, информируй. Подключусь, пособию.

З а м я т и н . Чур меня... Постой. Я тебе вот что хочу сказать, Ваня. Ты того... на глаза ему хотя бы не попадайся. Нам только рукопашной не хватает...

О х л о б ы с т и н . Не бойсь, тезка, я пока что стою на ногах крепко... Что касается рукопашной, очень даже пожалуйста, как говорится. Всегда готовы...

Охлобыстин плетется к двери, постепенно распрямляется до военной выправки, выходит. Одновременно слышны уверенные щелкающие шаги – в кабинет входит Ольга Владимировна Карякина – вся порыв, энергия, сжатая пружина.

К а р я к и н а (с энтузиазмом). Дорогой шеф, кажется, утряслось. Ребята готовы провести загрузку вручную.

З а м я т и н . Кто же такие смелые?

К а р я к и н а . Слава и Алик.

З а м я т и н . Они, помнится, из института по распределению?

К а р я к и н а . Да. Это важно?

З а м я т и н . Именно. У нас нет права предлагать им работу, связанную с риском для жизни.

К а р я к и н а . Да какой же здесь риск? Ведь только на стадии загрузки...

З а м я т и н (терпеливо объясняя). Несколько лет назад, ты еще не работала у нас, при зачистке пьяной бочки рабочий вместо медного взял стальной молоток. И где он, дубина стое-росовая, откопал этот поганый молоток? Мы тогда не досчитались сразу четырех ребят. Старшему, Павлику, было двадцать шесть. А ведь габарит уже отлили и вывезли. Регламентные работы всегда выполнялись вручную, сэкономили растворитель и время, конечно... Казалось бы, никакой опасности. А получили четыре полупустых гроба, четыре вдовы, трое ребята-

шек-сироток. Я не хочу брать ответственность на себя. Последняя авария, уже при тебе, слава Богу, без жертв.

К а р я к и н а (*заметно волнуясь*). Я была у директора. Он одобрил это решение.

З а м я т и н (*внимательно разглядывает Карякину, точно видит впервые*). А ты, смотри, самостоятельная... расторопная, вот и к директору побежала... без моего ведома...

К а р я к и н а . Он сам вызвал меня.

З а м я т и н (*сухо*). У него есть такое право, а у тебя обязанность – доложить непосредственному начальнику, то есть мне, что идешь к директору. Напоминаю, потому что ты начинаешь об этом забывать. Я должен быть в курсе, о чем ты собираешься толковать, понятно?

К а р я к и н а . Понятно.

З а м я т и н . Вот и договорились. А ты знаешь, это же хорошо. Вот пускай он и подписывает временные инструкции. В них должны быть упомянуты люди.

К а р я к и н а . Зачем же упоминать людей, если только при загрузке?

З а м я т и н . А много ли остается после загрузки? Или людей на самом деле не будет? Ладно. Мне теперь некогда, я уже опаздываю. Начальник главка не должен ждать, еще успею встретить на границе. А вы готовьте испытания, готовьте. На всякий пожарный случай.

Час спустя. Вновь те же щелкающие шаги, в кабинет входит Карякина – та же уверенность и напор. Следом идет Юрий Андреевич, представитель Института и разработчик рецепта топлива.

К а р я к и н а (*на ходу*). Жанночка, шеф звонил?

Голос Жанны из приемной. Нет, Ольга Владимировна.

К а р я к и н а (*возбужденно*). Подождем. Садитесь, Юрий... простите, все никак не запомню вашего отчества...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Андреевич.

К а р я к и н а . Так вот, Юрий Андреевич, сегодня все решится. В том числе быть нам или не быть. (*Смотрит на часы*). В эти именно минуты. Странно, никогда так не волновалась... Как перед экзаменом. Нам долго не везло...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Наслышан.

К а р я к и н а . И что же говорят? Нет, вы не подумайте, будто мне не терпится вызнать... Просто интересно.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Я читал заключение комиссии.

К а р я к и н а (*перебивает раздраженно*). Бумажки я тоже читаю, а, бывает, составляю сама. Не в них суть, есть кое-что кроме.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Кроме – только слухи.

К а р я к и н а . Неважно. Иногда в них есть то, что необходимо знать...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ясно. Так вот, вкратце слухи сводятся к тому, что сначала вы напорили с проектом переоборудования старой мастерской, а уж затем благополучно подняли ее на воздух, чтобы, как говорится, концы в воду.

Дверь отворяется – в кабинет заглядывает Леха, муж Карякиной.

Л е х а . Мама... оказывается, ты здесь? Я вот заявление приволок. Как сказала. Подпиши. А папашки, что, нету?

К а р я к и н а . Подожди в приемной, он скоро будет, тогда и подпишем.

Л е х а . Мама...

Карякина. Иди!

Леха, кивнув, скрывается.

К а р я к и н а . Значит, так и болтают? Что ж... этого следовало ожидать. И все – Дима. Ю р и й А н д р е е в и ч . При чем здесь Дима?

К а р я к и н а . А вы что, не знаете? Между нами война не на живот, а на смерть. Никаких сил не осталось...

Ю р и й А н д р е е в и ч . У Димы действительно зуб на вас, но болтать...

К а р я к и н а . Конечно, мужская солидарность, понимаю. Если бы еще дело не страдало от этой самой солидарности. Впрочем, плевать. Дима меня терпеть не может, но ведь это же не причина, чтобы работать спустя рукава. Так?

Ю р и й А н д р е е в и ч . На него не похоже.

К а р я к и н а . Еще как похоже. Дима не может согласиться с подчиненным положением – убежденный анархист, подчинение его угнетает. А уж подчиняться женщине, бабе, как он говорит, и вовсе позор. Между тем я сплю и вижу, как он избавляется, в первую очередь, от подчинения мне. Я даже проявила инициативу – предложила организовать отдел автоматике. Специально для него. А что? Почему бы нам всерьез не заняться автоматизированным управлением технологическими процессами? У вас в НИИ есть такой отдел?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Есть. Я его в меру сил возглавляю.

К а р я к и н а . Вот и у нас должен быть. Я согласна отдать ему десяток единиц для начала. Дальше так работать нельзя... Он на меня бочку катит... Заметили – я уже усвоила жаргон... Впрочем, я тоже не остаюсь в долгу. Так и существуем. Я ему выговор за невыполнение плана, он – в отместку – муженька со двора сведет, накачает до полусмерти, на ночь пристроит в милицию – вот и квиты. Но ведь кто-то не выдержит... Жанночка!

Ж а н н а (*заглядывает в кабинет*). Слушаю, Ольга Владимировна.

К а р я к и н а . Вам не трудно пригласить Дмитрия Ивановича?

Ж а н н а . Не трудно.

К а р я к и н а . Если мы не проведем эти испытания, нам крышка. Разгонят к шутам.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Так уж и разгонят?

К а р я к и н а . У Замятина докторская горит, у меня... и не знаю, что, – но тоже горит. Райком на низком старте. Первый не удержался, доложил в обком, там поставили на контроль. Ребята с периферии на пятки наступают. Вы мне вот что скажите, Юрий Андреевич, вы ведь работали с этой рецептурой...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Да, но с малыми объемами. У нас нет большой мешалки, к тому же, центр города – никто не позволит...

К а р я к и н а . При чем здесь объем?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Как при чем? Эта рецептура требует сверхинтенсивного перемешивания. Мы применили малую шнековую мешалку. У вас пьяные бочки, объем большой, но пьяные бочки для промышленных объемов едва ли годятся. Здесь нужно что-то другое...

К а р я к и н а . Вот это новости! А вы не шутите? И почему же, интересно знать?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Я же сказал: темп перемешивания должен быть на порядок выше.

К а р я к и н а . Ну, это еще не довод.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Что ж, как знаете.

К а р я к и н а . Мы никогда не работали на предельных скоростях, некоторый – и немалый – запас, я думаю, есть.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Вы никогда не работали с новыми рецептурами. Чем гарантируется промес? Что вы знаете о температуре и однородности объема при перемешивании и полимеризации? Врезали десяток датчиков и успокоились? На десять кубометров десять точек измерения температуры? А инерцию ваших датчиков учли? А температура охлаждающей воды на входе и выходе? На входе у вас обычный водопровод при температуре воды едва ли не десять

градусов. Не годится. Нужна холодильная установка. Уж я не говорю о вязкости, вы даже косвенно ее не измеряете. Как видите, сплошные вопросы...

К а р я к и н а . Мы используем промышленное оборудование, другого нет.

Ю р и й А н д р е е в и ч . О новой рецептуре вы не вчера узнали, а мастерскую спроектировали под старую. Я говорил с Димой, он того же мнения.

К а р я к и н а . Ах, оставьте, оставьте. Опять этот Дима...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Дима предлагает отложить испытания, и он прав.

К а р я к и н а . Не вздумайте занять подобную позицию.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Почему же? Я, правда, пока не выслушал всех доводов, но в том, что Дима рассуждает здраво, у меня нет ни малейших сомнений.

К а р я к и н а . Валяйте. Только потом пеняйте на себя.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ольга Владимировна, одну мастерскую вы подняли на воздух, и вам сошло с рук. Теперь вы решили повторить? Наблюдается некая система. Что ж, в конце концов, вы хозяева в своем доме. Но меня-то зачем вызвали?

К а р я к и н а . Вы ведете эту тему у себя. К тому же ваша диссертация...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Какая еще диссертация? Мы надеялись рано или поздно довести рецепт до ума. Если бы вы знали, какого труда стоило выбить испытания на опытном оборудовании. Серийное производство для таких целей не годится, да его и не остановишь...

К а р я к и н а . Но только что вы несли по кочкам наше оборудование...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Объясняю. У меня на столе проект, подписанный вами. Рядом с ним техническое задание на проектирование, согласованное с нами. Судя по этим бумагам, оборудование разрабатывалось специально для испытаний новых рецептур. Теперь выясняется, что допущены настолько серьезные отступления от вашего же проекта, что ни о каких испытаниях не может быть и речи.

К а р я к и н а . Незначительные отступления есть всегда.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Незначительные – да. Но вы допустили принципиальные.

К а р я к и н а . Что же вы молчали?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Весной, когда все только начиналось, я пытался поговорить с вами. Вы пребывали в странной эйфории и не стали слушать, попросту отмахнулись. А ведь тогда еще была возможность откорректировать разработку.

К а р я к и н а . Хорошо, что все это вы говорите мне с глазу на глаз. Так проще найти общий язык.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Но я обязательно выскажу свои сомнения при заказчиках. Они уже приехали?

К а р я к и н а . Напоминаю еще раз – не вздумайте. Вы всего не знаете... Там не только нынешний заказчик, там новый начальник главка, который прежде был заказчиком. Он принимает дела.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Дима высказал соображение, не лишнее, как я теперь понимаю, смысла: в мастерской должны быть люди. Дистанционно этот процесс не провести.

К а р я к и н а (*после заметного раздумья, решившись*). А вы удивительно догадливы. Люди действительно будут. Мы введем наших людей.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Лучше бы не наших. Наших жаль.

К а р я к и н а . Ну и шуточки у вас. Мы не можем, не имеем права ждать. В понедельник позвонят из обкома, из Москвы, и ответ должен быть один: все в порядке.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Боюсь, что ответ будет иным...

К а р я к и н а . Иногда следует рисковать. Вам что, не приходилось?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Предпочитаю, уж если рисковать, то собственной головой.

К а р я к и н а . Вам проще. Итак, решено, внутри будут измерители. Ю р и й А н д р е е в и ч . Кто ж такие?

К а р я к и н а . Слава и этот... с таким странным именем... А л и к .
Ю р и й А н д р е е в и ч . Хорошие ребята. Я с ними так подружился...
К а р я к и н а . Плохих не держим.
Ю р и й А н д р е е в и ч . Мне не хотелось бы...

Из прихожей слышен голос Димы, возбужденный и громкий.

Д и м а . Ждешь, горемыка? Жenuшка твоя там?
Л е х а (*уныло*). Где ж ей быть – там.
Д и м а (*входит*). Звали, начальники? Что решили?
Ю р и й А н д р е е в и ч . Обсуждаем с Ольгой Владимировной целесообразность риска.
Д и м а . Ну и как? Есть смысл?
Ю р и й А н д р е е в и ч . Ольга Владимировна решила ввести внутрь людей. Ты был прав.
К а р я к и н а . С чего вы взяли, будто я решила?
Д и м а . Заставила решить, так будет точнее.
К а р я к и н а . Какой же вы демагог, Дмитрий Иванович!
Д и м а . Я демагог, страшный демагог Дима, все меня так и зовут теперь. Ладно, шутки в сторону. Итак, решено вести процесс при участии подопытных кроликов. Кто же эти энтузиасты? Или секрет?
Ю р и й А н д р е е в и ч . Славка с Аликом.
Д и м а . Ну и ну. То-то Славка спешит жениться... камикадзе чертов! Мне ни слова. Утро с ними просидел – молчат, гады. Ваша работа, Ольга Владимировна?
К а р я к и н а . Вы должны понять, Дмитрий Иванович, что это решение вынужденное. Мы очень подумали, прежде чем...
Д и м а . Новости – вы и подумали! Я им устрою!

Выходит, хлопнув за собой дверью.

К а р я к и н а . И всегда так...
Л е х а (*просовывает голову в дверь*). Мама... я пойду потихоньку, а?
К а р я к и н а (*кричит, срываясь*). Сиди! Я сказала тебе, сиди!
Л е х а . Мама, ты не расстраивайся, береги нервы, они не восстанавливаются. А я ни при чем...
К а р я к и н а . Закрой дверь, Алексей!
Л е х а . Мама, ты подпиши пропуск. Я пока за картошкой смотаюсь...
К а р я к и н а . Знаю я твою картошку.
Л е х а . Мама, ты не права, картошка – ценный продукт. Как раз сегодня самый подходящий день, чтобы, значит, запастись этим... продуктом.
К а р я к и н а . Ну-ка, поди сюда, поди...

Леха послушно подходит, старательно отворачивая лицо.

Л е х а . Мама, неудобно как-то... При постороннем... У Охлобыстина день варения... а я не виноват.
К а р я к и н а . Дыхни, говорю! Охлобыстин свое получит... Л е х а . А, пошла ты!

Поворачивается, идет к двери – теперь это решительный человек.

К а р я к и н а . Уже принял, негодяй, и когда успел?.. Ведь глаз не спускала... Неужели Охлобыстин?..

Звонит телефон.

Голос Жанны. Да, я слушаю. Пришли, ждут. Передать? Чтобы ждали? Они ждут. Хорошо, скажу. Дмитрий Иванович? У себя. Позвать? Минуточку.

К а р я к и н а (*идет к двери*). Жанна, кто это?

Голос Жанны. З а м я т и н . Просит Диму.

Голос Карякиной (берет трубку). Иван Егорович? Здравствуйте. Ждем, конечно. Юрий Андреевич? Уже здесь. Я с ним поговорила, он такого наплел... Держаться? Я держусь. Дима несет свое. На словах у него получается замечательно, вы ведь знаете Диму. Ну, конечно, конечно. Идет. Передаю трубку.

Голос Димы. Да. Да. Нет. Нет. Ну что вы! Нет. Да. Кричать не нужно. На меня кричать не нужно. Вот именно. Я все понимаю. Вам позарез нужна точка на графике, единственная и последняя... Опять кричите? А они внутрь полезут?.. Нет, вы не кретин. Нет, не кретин, вы хуже. Вас загнали в угол и заставили лгать. Хорошо, я дождусь. Обязательно, я давно не был в цирке. Что? При чем здесь цирк?

Ну хорошо, хорошо, фольклор иной раз уместен, особенно наш, национальный. Только ведь и я так могу, не посмотрю, что Карякина рядом. Впрочем, ей не привыкать, у нее под боком Леха – знатный специалист... Пока.

К а р я к и н а (*кричит*). Это низко, низко...

Д и м а (*входит*). Что именно?

К а р я к и н а . Ваше поведение.

Д и м а . Не нравится? Мне тоже. Разойдемся по-хорошему. Я исчерпал себя, не могу больше... Жанна! Листок бумаги высшего качества!

Входит Жанна с листком бумаги.

Спасибо, девочка. (*Идет к столу, садится, пишет*). Вы меня достали, Ольга Владимировна, сдаюсь. Итак, в заголовке... Уважаемому Ивану Егоровичу Замятину, кандидату и кавалеру, лауреату и бюрократу, ударнику и прочая, прочая... Заявление. Жанна!

Голос Жанны: «Слушаю».

Д и м а . Ты согласна выйти замуж за Славку?

Голос Жанны: «Согласна!»

Д и м а . Молодец. И Славка молодец. Мы все молодцы. Ольга Владимировна молодец. И Леха, и, конечно же, товарищ Охлобыстин... особенно товарищ Охлобыстин... Ввиду полной профессиональной непригодности, упомянутой Карякиной. Подпись, дата. Точка. Как любит говорить один мой знакомый: нормальный ход! (*Протягивает листок Карякиной*). Нормальный ход! Это же не шутка на такое решиться, это же детки мои малые могут оказаться в убытке. Но... я сказал себе пару-тройку периодов суровой прозы, и вот оно – полное признание собственной беспомощности. Получайте, Ольга Владимировна, пока не передумал. И не откажите в любезности, проставьте автограф по всей форме.

На пороге возникает Охлобыстин. Он заметно пьян. Подходит молча к столу Замятина, укладывает очередную стопку свежих газет, обходит стол по кругу. Жует губами, бубнит.

О х л о б ы с т и н (*сипло, напористо*). Кто-то здесь упомянул мое имя все. Опрометчивый поступок, доложу я вам...

Д и м а . Это я посмел, Иван Антонович.

О х л о б ы с т и н (*усмехнувшись криво и зловеще*). А не боишься?

Д и м а (*вызывающе*). А чего мне вас бояться? Ваше времечко кончилось и, надеюсь, навсегда.

О х л о б ы с т и н . Не скажи, Димка, не скажи... А что, как вернутся благословенные времена, когда народ ходил... по струнке? Не зарекайся... драгоценнейший, не зарекайся...

Д и м а . Во дает! Что, Иван Антонович, первые симптомы уже просматриваются?

О х л о б ы с т и н . Какие еще такие симптомы? Ты мне мозги не пудри... учеными словечками, ты мне по-русски, по-простому...

Д и м а . А по-простому... шлепал бы ты, недоумок, в свою конуру и не путался бы под ногами. Надоел...

О х л о б ы с т и н . Хорошо, я пошлепаю. Но смотри у меня, как бы самому не пошлепать... кое-куда... Еще не вечер...

Идет к двери. У двери останавливается. Ждет ответа. Не дождавшись, выходит, понурившись.

К а р я к и н а (*читает заявление*). Ничего не понимаю, это же бред какой-то...

Д и м а . Возможно, я сумасшедший, вы намекаете именно на это обстоятельство. Но ведь не исключено и другое: вокруг меня сплошное, повальное сумасшествие... Одно из двух, не иначе. Так что вы тут разбирайтесь, а уж я – к себе, потихоньку...

Дима выходит. Охлобыстин возвращается. Он замечает что-то такое в услышанном разговоре, что заставляет его напрячься.

К а р я к и н а (*некоторое время наблюдает за Охлобыстиным*). Странный он человек, издерганный... трудно с ним работать.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Он прав, и это вам не нравится.

О х л о б ы с т и н . Никак не понять, о чем вы...

К а р я к и н а . Иван Антонович, у нас свои дела, вас они не касаются...

О х л о б ы с т и н . Как же ты ошибаешься, дорогуша. Нет на моем заводе таких дел, до которых мне не было бы дела. (*После паузы, зловеще, точно выплевывает*). Понятно излагаю?

Охлобыстин возвращается к столу Замятина, ворошит какие-то бумажки, прислушивается – нес, сделавший стойку.

К а р я к и н а . Помешательство на заботе о ближнем... Дешевка.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Прекрасное помешательство.

К а р я к и н а . Ах, оставьте, и вы туда же... Неужели вы не заинтересованы в скорейшей проверке рецепта? Не поверю...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Такой ценой – нет.

К а р я к и н а . А серьезные доводы, кроме упрямства из солидарности, у вас имеются?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Конечно. Я изложу их в свое время, не стану скрывать. Из них самый важный: если в наше производство необходимо вводить людей, значит, производство не подготовлено, производства попросту нет. Для меня это аксиома.

К а р я к и н а . Те же ребята провели измерения статэлектричества при загрузке сухих компонентов. Кстати, работали во время процесса... (*Обращается к Охлобыстину*). Иван Антонович, вам не кажется, что у вас слишком много дней рождения в году?

О х л о б ы с т и н . (*подумав*). В моем возрасте, голуба, почитай, каждый денек – день рождения. Ведь ежели проснуться сумел, это означает, что вновь родился. Так я теперь понимаю. А чего ты спрашиваешь? Твой благоверный ко мне заходил, было дело... Поздравил, вежливый... Ну и я его – ответно. Приняли помаленьку, так с кем не бывает? День варения... как-никак...

К а р я к и н а . Оставили бы вы Алексея в покое. Он же спивается.

О х л о б ы с т и н (*подумав*). Ежели всех оставить... так вовсе один будешь. А одному каково?

Охлобыстин неспешно идет к двери.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Что-то зловещее в этом человечке... У меня такое ощущение, будто я его знал когда-то...

К а р я к и н а . Начальник первого отдела Охлобыстин Иван Антонович.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Да-да, конечно. Я предъявлял ему документы, когда приехал. У него странный пронизывающий взгляд – становится холодно... Ну, да ладно... Вы упрямо забываете, что имеете дело с новой рецептурой. Это вам не статэлектричество, опасное, согласен, но не до такой же степени.

К а р я к и н а . Все когда-то было впервые, не так ли?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Хорошо. Подойдем с другой стороны. Вводя в процесс людей, вы обязаны указать во временных инструкциях...

К а р я к и н а . Вы нас за идиотов держите?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Зачем же? Вы не идиоты. Вы кустари-одиночки с дурными наклонностями. Впервые сталкиваюсь с положением, когда телеизмерительный комплекс столь примитивен. А ведь начинать следовало с него.

К а р я к и н а . Уж вы-то должны бы знать, как обстоят дела со взрывобезопасным оборудованием... Сегодня закажешь, через пару лет получишь и, как всегда, не то....

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ну да, я не подумал, человек взрывобезопасен...

К а р я к и н а . Именно так, если хотите.

Ю р и й А н д р е е в и ч . А ведь у Димы канал готов. Через месяц-другой можно было бы пускать безо всякого риска. Сидеть себе в теплой пультавой, следить за процессом...

К а р я к и н а . Вот оно что! Вам известно, что делается в моем отделе, а мне неизвестно. Наслышана, уши прожужжали. Дима, к вашему сведению, возится с каналом несколько лет. Если бы мы стали ждать, пришлось бы остановить мастерские...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Вы предпочитаете не останавливать, а время от времени сносить их с лица земли.

К а р я к и н а . На то и заводят опытное производство. Имеем право на риск.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Не возражаю, но до момента, пока в подобные мастерские не входят люди...

К а р я к и н а . Рады бы в рай, да грехи не пускают.

Л е х а (*просовывает голову в дверь*). Мама... короче...

К а р я к и н а . Простите. (*Идет к двери. Голос ее слышен из приемной*). Жанночка, придет шеф, позовите меня, пожалуйста. Я у себя. Алексей!..

Входит Жанна.

Жанна. Юрий Андреевич, это правда? Славка полезет в мастерскую?
Юрий Андреевич. Правда.
Жанна. Понятно. Ему больше всех нужно.
Юрий Андреевич. Сами напросились.
Жанна. Юрий Андреевич, вы послушайте, если позвонят, я на минутку...

*Жанна выходит. Юрий Андреевич прохаживается по кабинету, подходит к окну.
Крики из приемной: «Она по проволоке ходила и ничего! А мы...»*

Дима (*входит*). Она была в своем уме.

Входит Дима. Следом – Слава с Аликом.

Слава. Ты считаешь нас идиотами. Он, Алик, нас ни в грош не ставит. Это правильно, по-твоему?

Алик. Я всегда говорил тебе, Слава, не слушай стариков, они хорошему не научат.

Дима. Садитесь, разбойники, выкладывайте.

Слава. Ты нас принял за кого-то другого.

Алик. Он что-то путает, этот Дмитрий Иванович.

Дима. Говорите. Вот здесь, при Андреевиче.

Слава. Совершенно недопустимый тон.

Алик. Мы должны обидеться.

Юрий Андреевич. Хватит паясничать.

Слава. Пойдем, Алик, нас здесь не понимают.

Алик. Пойдем, Слава, у нас паяльники включены, еще пожар.

Дима. Допрыгаетесь вы у меня...

Слава. Он собирается лишить нас заслуженной премии.

Алик. Я так рассчитывал на эти деньги... Время штаны обновить...

Юрий Андреевич. Ребята...

Слава. Заметил, как изменилась интонация? Это знак того...

Алик. ... что нам не вполне доверяют.

Юрий Андреевич. Вы не полезете в мастерскую.

Слава. Нас подозревают в трусости.

Алик. Очень напрасно.

Слава. Они еще пожалеют.

Жанна (*входит*). Славка, что ты мелешь?

Слава. Милая, будь добра, выйди вон.

Алик. И не забудь дверь прикрыть.

Жанна. Ну хорошо, я пойду.

Алик. Ты слышишь, Славка, в ее голосе явная угроза... А ведь на руках у нее никакого еще свидетельства...

Слава. Она у меня допрыгается... Жанночка, выйди вон, радость моя. У нас серьезный разговор. Мужской разговор. Не понимаешь?

Алик. Не понимает. Я тебе говорил, все они...

Слава. Заткнись!

Алик. Вот и меня обижать, а за что?

Слава (*поднимается, идет к Жанне, обнимает за плечи, ведет к двери*). Ну, пойдем, ну, плакать... не годится, нет, я тебе говорю – нет!

А л и к . Совсем из ума выжил. И что делает с вами эта порода? Женщина! Слово-то какое... со скрипом. Вот и получается, как сапоги у франта, со скрипом.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Не надоело?

А л и к . Нет, а что?

Д и м а . Паяцы. Хлебом не корми, дай покривляться.

А л и к . Не понимаю, Дима, дорогой, почему ты так изменился к нам? Что с тобой, голубчик? Мы-то тебя чем обидели?

Д и м а . Предатели. Подопытные кролики.

А л и к . Очень серьезное обвинение, Д и м а . .. Я должен сказать о нем Славе. (*Идет к двери*). Славка! Ах ты пес, и не стыдно? Вы на службе, дети мои, нельзя же так... Ладно, не буду, не буду. (*Прикрывает дверь*). Как хорошо, что Славка под моим влиянием ведет себя прилично. За ним нужен глаз да глаз... Итак, мы предатели. Поясни, Дима, сделай одолжение.

Д и м а . Мы с вами договаривались довести канал, а теперь вы наш договор побоку...

А л и к . погоди, Дима, дай выступить с оправдательным словом. Мы согласились потому... я тебе объясняю... Только мне хотелось бы, чтобы Славка слышал. Мы, конечно, виноваты, наши сепаратные переговоры с девушкой не делают нам чести, но ведь кто-то должен войти туда, как никак – план, премия и все такое прочее. Понимать нужно...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Вы решили рискнуть собственной шкурой ради тех, кому по штату положено вас оберегать.

А л и к . Собственной шкурой, повторяю. Но все же ты груб, Ю р и й А н д р е е в и ч . Ты же нежный человек. И ты, Дима, вот и жена твоя говорила намедни, и дети у тебя хорошие...

Д и м а . Оставь мою жену и детей в покое. Мне непонятно, как вы могли согласиться. Ведь договорились: канал во что бы то ни стало. А теперь я выгляжу дураком. Карякина обвиняет меня в саботаже...

А л и к . Канал будет, не сомневаюсь. В свое время...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Будете ли вы?

А л и к . Без Славки не говорю, без Славки – ни слова. И ничего не слышу.

Д и м а . Тогда проваливай, нечего тебе здесь торчать. Убирайся!

А л и к (*поднимается*). Вот и хорошо, вот и отлично.

Уходит. Кричит в приемной: «Славка, нам предлагают отвалить. Пойдем. Они строят козни против девушки, а мы ни при чем».

Д и м а . Поговорили. Хоть кол на голове теши.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Дима, почему они Карякину девушкой кличут?

Д и м а . Славка окрестил. Она здесь появилась три года назад, пришла ко двору, лишнего не скажет – в нашей фирме это самое ценное качество. Поработала до отпуска, взяла путевку и к теплому морю – погреться. А вторая путевка досталась Лехе Замятину, у нас всегда по две заказывают. Он сменным мастером был здесь же, в КБ, при папашке. Остальное, как говорится, дело техники. Уехал Леха холостым, вернулся женатым. И все бы ничего, только была у него здесь подруга, Люська, хорошая такая девчонка. На шестом месяце ходила, пожениться все откладывали. То комнаты не было, чтобы снять, то дом, в котором квартиру для них купили, никак не могли достроить. Леха с отцом-матерью ни в какую не хотел жить. Он от отца держится на расстоянии. В чем дело – не знаю, какая-то семейная тайна. Люська узнала, собрала чемоданчик и к матери – в Среднюю Азию, только ее и видели. А Леха с тех пор запил горькую, так его проняло. Теперь самый известный алкаш в округе, сообща боремся с ним – милиция и общественность. Пока без заметного успеха. Вот пришел, вижу, снова на работу, да долго ли протянет?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Карякина с ним строго...

Д и м а . Знаем мы эти строгости. Посмотрел бы, как он с нею, когда в форме....

Ю р и й А н д р е е в и ч . И жаль ее, и...

Д и м а . Нашел кого жалеть. Она не пожалеет.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Но ведь тебя спросят...

Д и м а . Так же, как тебя. И поступят по-своему. На них камнем висит последний взрыв. Не терпится отыгаться, а какой ценой – неважно. Победителей не судят.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Да, шарахнули тогда, дай боже. Представляю, что здесь творилось.

Д и м а . А ты знаешь, ничего особенного. Приехали дяди из центра, походили, понюхали, списали мастерскую, как старую суповую кость, и благополучно отбыли восвояси. Хозяин, правда, перетрухнул, неделю сидел на больничном – сердце. Шутка ли, полторатонная болванка на двести метров вверх взлетела, мы потом прикинули. И плюхнулась, дура, перед пультовой, козырек, как ножом, срезала. Экскаватором обкапывали, краном тащили... А если бы в перекрытие? Со святыми упокой...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Тогда у вас рецепт был тишайший. Теперь – шестьдесят градусов по Цельсию и – разложение. А там... сам понимаешь, финал.

Д и м а . И не жаль тебе нас?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ничего не попишешь. Желаеть обрести вещь выше мировых стандартов, балансируй на острие. Пока ни у кого такого нет, и не скоро появится.

Д и м а . Понятно. Затем и ребят суют...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Именно. Один наверху, его забота – температура и вязкость, второй поведет загрузку. Ну и подстрахует, если что.

Д и м а . Вязкость – главный признак непромешивания...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Именно. Опасен непромес и перепад плотности на границах. При начале полимеризации происходит локальный и довольно быстрый рост температуры. Если просто, перегрев в единственной точке и кастрюля – в небеса...

Д и м а . Ребят нужно оттащить... Уж лучше я пойду.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Одному не справиться.

Д и м а . Вязкость измеряется по току приводного двигателя мешалки...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Интегральная – да. Но недостаточно контролировать среднюю вязкость в объеме реактора. Нужна измерительная система. Или увеличение втрое интенсивности перемешивания. Или уменьшение вдвое загрузки. Последний вариант не годится – массы едва хватит на второй габарит... а его уральцы уже освоили.

Д и м а . Значит, принципиально без людей все же можно?

Ю р и й А н д р е е в и ч . На Луну без людей забрались.

Д и м а . Теперь мне многое становятся понятным. Нас оттирают от этого дела, как от пирога с капустой. Простое правило арифметики – частное растет с уменьшением знаменателя... Но при чем здесь ребята?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Воспитанная готовность к самопожертвованию.

Д и м а . Оставь! Готовность делать глупости – так точнее.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Карякина рискует.

Д и м а . Чем? Неужели ты думаешь, что она упомянет людей во временной инструкции?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Вся надежда на заказчика, он должен потребовать...

Д и м а . А на кой ему шут волнения? Примет как миленький. У Замятина примет. К тому же Замятин его приятель еще с довоенных времен. Нельзя ребят пускать.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Они не желают слышать. Твердят: она по проволоке ходила...

Д и м а . Не до смеха мне, Юра. Кролики на пороховой бочке. Смотрите, какие мы смелые, какие мы... Пакость! Нам нужна общая линия. Твое слово кое-что значит, все же пред-

ставитель головной организации. Я здесь по недоразумению, жалкий измеритель, так, на всякий пожарный случай...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Не прибедняйся. Ты мне скажи лучше, в каком состоянии канал, а то я тут наговорил Карякиной.

Д и м а . Канал готов. Остается смонтировать на месте, и можно хоть на версту переносить пультовую. Повезло, откопали на складе старенький оптимизатор, когда-то еще до меня заказывали. Раскулачили его, правда, изрядно, да мы подлатали. Пятьдесят точек возьмем, вязкость захватим, приводы загрузчиков компонентов...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Начальство в курсе?

Д и м а . Конечно. Да что толку. Здесь всем заправляет Карякина – какая-никакая, а родственница. Старик докторскую добывает, на одном помешан. Иной раз прихватит ее для порядка, чтобы место знала, а так... со всем согласен, оставили бы в покое. Ребята полезут внутрь, Карякина рассядется в теплой пультовой с удобствами, будет посматривать на экран телека, покрикивать, а случись что, глазки закатыт, задергается: я женщина слабая, меня не трожьте... А между тем, у нее технологи – что надо, с головами. Все видят, все понимают, гады, но помалкивают в тряпочку. Ну скажи, как после всего этого жить? Выходит, зажми мне рот, я и лапки кверху? Пообещай ведущего – друга заложу? Так, что ли? И ведь знаю их черт знает с каких времен, вместе, что называется, дерзали. Отчего так меняются люди?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Иной раз сам меняешься, а кажется, будто вокруг тебя...

Д и м а . Неужели у вас ажур, и ты всем доволен?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Да нет, у нас тоже не все гладко, да только врут меньше... Не хочется попусту воду мутить.

Д и м а . А иной раз и замутить не грех, иной раз и сказать дураку в лицо следует, что дурак и уже без надежды.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Это так, но плодотворно ли?

Д и м а . Ну ты даешь! Что ж, по-твоему, можно крестьянина заставить гнилое зерно бросить в борозду? Да он тебя так далеко пошлет – не вернешься. Мы как солдаты без боеприпасов на исходных позициях – ждем сигнала к бою и не смеем роптать. Нас успокоили, что и противник снарядами не разжился. Ты говоришь, я злой. А я злой и есть. Посуди, отчего мне быть добрым? Мастерскую мы делали, считай, собственными руками, на монтажников не больно-то полагались, вечера прихватывали, выходные... И Алик со Славкой рядом. А канал так и не смогли отстоять, не хватило злости – выходит, сам дурак. Шутка ли – взрывоопасное производство, аппаратура в особом исполнении, шестьдесят милливатт на обрыв в открытом проводе, чего только не понавешали, а главное – рабочие органы – оставили без телеуправления... Я ребят зубами вырывал, мотался на распределение в институт, доказывал, что по профилю, а до того здесь выбивал штаты, возился с жильем, с пропиской... Ну, предположим, рванет бандура, ну, крыша улетит, вынесет кое-какой металл за обваловку, железо потечет, если пожар, – всего-то десяток миллионов на ветер – эксперимент невозможен без риска, и ежу понятно, но они живые... Охламоны на все готовы, им не терпится, видите ли, по проволоке пройти... Подумаешь, риск... У них жизнь начинается, им еще столько всего увидеть, они же, прости, живой бабы в руках не держали, сопляки, а туда же – головой... Меня попросту продали, за спиной сговорились... Конечно, обидно... Получается, что мне больше всех нужно... вроде бы стыдно. И откуда пошла жить эта дичь: раз мне больше всех нужно, значит я подонок? Не выпячивайся, стой в сторонке, помалкивай, пока не спросят, дыши тихо, незаметно, авось пронесет. Все пронесет мимо, в том числе жизнь...

Входит Карякина.

К а р я к и н а . Дима, мне нужно с вами поговорить.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Мне выйти?
К а р я к и н а . Да, если вас не затруднит.
Д и м а (*раздраженно*). К чему китайские церемонии, Ольга Владимировна?
К а р я к и н а . Нет... я только хотела сказать... впрочем, ладно. Я вот о чем прошу вас,
Дима... Старый спор, оставим его, кто прав, кто виноват... Не нужно. Прошу.
Д и м а . Отложите испытания, и я готов... забыть.
К а р я к и н а . Ни в коем случае. Нам не позволят... И думать не смейте. План...
Д и м а . Ах, план! Тогда все начистоту.
К а р я к и н а . С Замятиным будут заказчики...
Д и м а . Они сами дойдут, не круглые же идиоты приехали...
К а р я к и н а . Пусть сами, только не вы... не нужно, не делайте глупостей.
Д и м а . А знаете, Ольга Владимировна, мне не терпится глупости делать, просто не-
моготу.
К а р я к и н а . Я вам запрещаю.
Д и м а . Даже так?
К а р я к и н а . Оставьте этот тон!
Д и м а . И не подумаю. Я этот тон усвоил надолго. Пока вы здесь.
К а р я к и н а . Пока вы здесь, так будет точнее. Вы все думаете, что мы в бирюльки
играем...
Ю р и й А н д р е е в и ч . Я просто уверен, что именно в бирюльки...
К а р я к и н а . И вы туда же... Ну, спасибо.
Ю р и й А н д р е е в и ч . Не за что.
К а р я к и н а . Я думала, вы серьезнее.
Ю р и й А н д р е е в и ч . Я, представьте себе, думал то же самое о вас. Однако чукча
ошибся...
К а р я к и н а . Как вы одинаково... упрямы.
Ю р и й А н д р е е в и ч . Нисколько. Я не шевельну пальцем, если вы в очередной раз
поднимете мастерскую на воздух. Только обязательное условие – без ребят.
К а р я к и н а . Послушайте, а не много ли вы на себя берете? Дело-то государственной
важности...
Д и м а . Потому и берем...
К а р я к и н а . Вы бы лучше подумали, как обезопасить процесс...
Ю р и й А н д р е е в и ч . И думать нечего. Если есть малейшая вероятность аварии,
процесс вести нельзя. Это аксиома...
К а р я к и н а . До сих пор вели...
Ю р и й А н д р е е в и ч . Удивительное упрямство. Карманный воришка так рассуждает:
пока не поймали...
К а р я к и н а . Глупая аналогия.
Ю р и й А н д р е е в и ч . По существу – нет.
К а р я к и н а . Работать без риска нельзя.
Ю р и й А н д р е е в и ч . В вашем случае риск запрограммирован.
К а р я к и н а . Вы постоянно намекаете, что я заложила в проект повышенную вероят-
ность аварии...
Д и м а . Так и есть.
К а р я к и н а . Проект прошел все инстанции...
Д и м а . Кроме одной – инстанции совести...
К а р я к и н а . Дима, поумерьте пыл, прошу вас. Некрасиво – так распускаться.
Д и м а . Черт знает что... твердишь, твердишь, а им невдомек, что нельзя всю жизнь
халтурить, когда-то нужно напрячь извилины... Если они, конечно, есть...

К а р я к и н а . С минуты на минуту будут заказчики, З а м я т и н . Прошу быть в рамках, последний раз прошу.

Д и м а . Ольга Владимировна, вы спите спокойно?

К а р я к и н а . В основном – да. А почему это вас волнует?

Д и м а . У меня больше нет вопросов. И не будет.

К а р я к и н а . Вот и хорошо. *(Дима идет к двери)*. Нет, вы дождитесь Ивана Егоровича, а там поступайте, как знаете. Ну что я вас упрашиваю?

Д и м а . Я надеялся, что совесть пробуждается в человеке рано или поздно. Чужь собачья... без совести удобнее, проще, просторнее.

К а р я к и н а . Дима, а у вас философский склад ума...

Д и м а . Склад ума... Ключи потеряны от склада... Вот вы, Ольга Владимировна, работаете здесь уже давно, можно бы итог подвести. Вы не просто инженер, с которого взятки гладки, вы начальник ведущего отдела КБ. В вашем подчинении более сотни человек, ребята хоть куда... А что вы успели сделать? Я не беру в расчет ваши личные успехи... Погодите, не перебивайте, вы спроектировали мастерскую и на первом же технологическом цикле подняли ее на воздух... А ведь вас предупреждали, что в вашем представлении о процессе есть некое упрощение, простительное новичку, но ведь вы не новичок. Я предупреждал вас. Погодите... Вы отмахнулись, как от назойливой мухи... Дальше больше. Вы добились восстановления мастерской и повторили старые ошибки. И на этом не остановились – вы наделали новых... Понимаю, не терпится отыгаться сразу за все. Это идея, так сказать, в чистом виде. Но зачем вам понадобились мои ребята? Ребят не трогайте...

К а р я к и н а *(весело)*. Вы меня замотали, Дима. Может, хватит? Д и м а . Вас замотаешь, вы сами кого угодно...

Ю р и й А н д р е в и ч . Столько энергии расходуют люди, чтобы пробиться к истине... Д и м а . Им, бедолагам, невдомек, что истина в вине.

К а р я к и н а . С этого и следовало начинать, а не ходить вокруг да около. Вы, Дима, из тех, кто за истиной в кабак...

Д и м а . А вам очень хотелось бы, чтобы на костер?

К а р я к и н а . Ничего мне не хочется. Я за мир.

Д и м а . Значит, вы за мир, я за мир, Юрий Андреевич за мир... Вот и отыскивали общую точку. К чему спорить? Отложим испытания?

В кабинет стремительно входит начальник КБ Иван Егорович Замятин. Следом – заказчики, солидный Николай Иванович и молодой Виктор Афанасьевич. Оба в темных мешковатых костюмах, в белых рубашках, при галстуках.

При их появлении все встают.

Замятин подходит к своему креслу. Он подвижен, решителен.

З а м я т и н . Прошу садиться. Наши гости – Николай Иванович, новый начальник главка, и Виктор Афанасьевич – директор сибирской фирмы, сменивший на этом посту Николая Ивановича. Так что на лицо – смена поколений... Моя гвардия. Начальник конструкторского отдела Ольга Владимировна, ведущий по измерительной части Дмитрий Иванович, представитель головного НИИ Юрий Андреевич. Кстати, он один из авторов рецептуры. Вы, смотрю, заждались. Ничего не поделаешь, задержал директор, решали вопрос в принципе, готовы мы или нет.

Д и м а . Ну и как, готовы?

З а м я т и н . Погоди, Дима. Директор настаивает на проведении процесса, а его мнение для нас закон, не так ли, Дмитрий Иванович?

Д и м а . Вас понял. Но тогда, простите, мне здесь делать нечего, пойду к себе.

З а м я т и н (*властно*). Сядьте, Дмитрий Иванович, я еще не все сказал.

Д и м а (*останавливается, сдержанно*). Может быть, еще передумаете?

З а м я т и н . Ничего не выйдет, все решено и подписано. Вы здесь не для того, чтобы переубеждать. Ваши доводы мне известны, найдем время, обсудим. Теперь о деле. Наша главная задача – апробировать новую рецептуру. Насколько мне известно, она хорошо зарекомендовала себя в ограниченном объеме, испытания спутника на стенде тоже прошли успешно. Второй габарит уральцы практически освоили. Мы только увеличиваем объем замеса, а это вопрос не принципиальный. Мастерская на ходу, механизмы обкатаны, компоненты на исходных позициях. Остается, как говорится, исполнить коктейль и посмотреть, что получится. Вы знаете, чем мы гршили до сих пор и почему прежние рецепты нас не устраивают, хотя они устойчивее, спокойнее...

Д и м а . Не сказал бы, не сказал...

З а м я т и н . Не можете удержаться. И все же попрошу меня не перебивать. И так, послезавтра мы проведем замес по всем правилам, отольем первый габарит и – на стенд. С испытателями есть договоренность – нам по телефонному звонку зеленая улица...

Д и м а . Послезавтра – воскресенье.

З а м я т и н . Ну и что? Таков график. В шесть утра в понедельник все должно быть завершено, подготовлено к упаковке и отправке на стенд. Значит, от шести даем обратный отсчет. (*Смотрит на часы*). В шесть вечера в воскресенье – начали! Сегодня проворачиваем механизмы, в субботу всем отдыхать – за воскресенье. Отдыхать, а не...

Д и м а . Иван Егорович, можно вопрос?

З а м я т и н . Пока нет. (*Заказчиком*). У нас, товарищи, вышла неувязка с телеметрией, даже не так следует выразиться – с телеметрией благополучно, да только дистанционно процесс нам не провести, баланс нужно поддерживать особенно четко. Проблему мы решили так: в мастерскую войдут наши люди и на этапе загрузки проведут процесс вручную... Подчеркиваю, на этапе загрузки...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Ничего себе – новости... (*Замятину*). Что, любезнейший, нам тоже прикажешь людей ставить? Директор в курсе?

З а м я т и н . Ну зачем же так резко, Коля? У вас есть время на освоение, успеете...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Как, то есть, успеем? Мы отгрохали мастерскую по вашим чертежам – значит, тоже влипли. Нет, вы уж как-то разберитесь, чтобы без людей...

З а м я т и н . Мы составим для вас рекомендации...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Послушай, Ваня, у меня серия – не проба, мне твои рекомендации до лампочки, мне технические условия нужны. Не завтра – сегодня. Чувешь, чем пахнет? З а м я т и н . Чую, но теперь поздно...

В и к т о р А ф а н а с ь е в и ч . Я предупреждал, Николай Иванович, здесь липа.

К а р я к и н а . Как вы любите преувеличивать... Не пойму...

В и к т о р А ф а н а с ь е в и ч . Лучше иной раз преувеличить, чем все коту под хвост, простите... Вам легко, у вас мастерскую в момент спишут, точно ее и не бывало, а мне как прикажете?

З а м я т и н . Так мы ни о чем не договоримся. Неужели не понятно, что есть возможность не вводить людей, я же объясняю...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Черта ли мне в твоих объяснениях! А если есть возможность, почему ты не воспользуешься ею?

З а м я т и н . Не успеваем...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Вот оно что... Так бы и сказал, прежде чем вызывать нас. Поехал бы я, жди, если бы знал... Нет, Коля, здесь дело нечисто, узнаю известную методу, все в последний момент, авось вывезет. Я возвращаюсь к директору.

З а м я т и н . Он уехал.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Все подготовили. Что ж ты мне при нем-то не сказал? Или он тоже не знает?

З а м я т и н . Какое это имеет значение?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Огромное. Я принимаю главк и начинать с прокола не намерен. К тому же мой завод мне слишком дорого обошелся, чтобы им рисковать...

З а м я т и н . Хорошо, Коля, обсудим позже, теперь следует подготовить мастерскую. Вы, Дмитрий Иванович, займитесь измерилкой и телевидением. Вот и Юрий Андреевич поможет. Вас же, Ольга Владимировна, попрошу составить необходимые бумаги, мы с вами, в принципе, договорились, так что – действуйте. Я вас больше не держу, товарищи.

Карякина, Дима и Юрий Андреевич выходят. Оставшиеся некоторое время молчат.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Ты мне, Ваня, вола не крути, выкладывай все, как есть. Иначе...

З а м я т и н . Зачем же так? Мы с тобой не первый год знакомы...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Выражайся точнее, когда-то были знакомы. В прежней жизни. С тех пор прошло много лет. Мы с тобой прожили разные жизни... Но разве я мог подумать, что столь давнее знакомство не защищает меня от подвоха с твоей стороны... Нет, дорогой мой, не выйдет, мы так не договаривались. Ты, значит, проведешь процесс тяп-ляп, а мы – расхлебывай? За серию с меня с живого не слезут. Замятин, мол, в Ленинграде с новым рецептом запросто, а Виктор чего волынит? В каком виде я предстану перед честным народом? Так вот, знай, никаких бумаг я не подпишу, пусть даже замес удастся и все пройдет благополучно. Не подпишу и баста. И свое особое мнение присовокуплю. Вот что я сделаю, Ваня. Понял, нет?

З а м я т и н . Давай-давай, добивай уж, ты последний, кто не оттоптал.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Тебя оттопчешь... Где сядешь, там и слезешь. Мне твоя увертливая натура давно покоя не дает. Да только все же не думал, что до такого допрыгаешься – людей в мастерскую. Или присоветовал кто? Уж не Карякина ли твоя прекрасная? Ты бы хоть рядом с делом бабу не держал, ведь подведет.

З а м я т и н . При чем здесь Карякина? Сознайся, положи руку на сердце, ты поступил бы так же, попади в мое положение...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . В твоём положении, слава богу, не бывал и не окажусь, мне в моем привычно.

З а м я т и н . Ну что ты взъелся?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А ты что думал, стесняться буду?

В и к т о р А ф а н а с ь е в и ч . Николай Иванович, мне, может, пройтись пока?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Иди, голубчик, иди.

Виктор Афанасьевич выходит.

Понять бы, что тебя гонит?

З а м я т и н . Годы гонят, годы. Нужно еще так много успеть...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Понятно. Только не просчитайся. Мне доложили о вашем прошлогоднем проколе...

З а м я т и н . Ты меня удивляешь, Коля. Ведь было официальное заключение...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Опять мозги пудришь? Не надо, они у меня в порядке. Так вот, в проекте был просчет, ты его прозевал. Интересно, кто здесь заправляет, ты или Карякина? Мне, помнится, проект сразу же не понравился. Пришлось подправить маленько, на свой страх и риск. У меня ребята подобрались наподобие твоего Димы. Тот, что со мной, год как главный инженер. Нынче назначаю директором, сменщиком своим, уже решил —мальчишка,

чуть за тридцать, а доверю. И не просчитаюсь, знаю. А когда же и дерзать, как не в молодые годы? Томим их, томим, угнетаем ничтожностью задач, они вянут на корню, чахнут. А потом спрашиваем себя, отчего неинициативны, глухи к новому? Сами отбиваем охоту думать, принимать решения, отвечать за них, если что...

З а м я т и н . Тебе хорошо – далеко, не дотянешься. А с недавних пор высоко...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Захочешь, дотянешься. А насчет высоко, не больно-то хотелось... Это же удавка. Ты знаешь, что я сделаю, Ваня? Вернусь в столицу, подготовлю распоряжение о переносе испытаний на мой завод. Виктор цепкий, он перехватит у тебя инициативу... А твои испытания отменю как неподготовленные. Имею право...

З а м я т и н . Ты не сделаешь этого...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Боишься?

З а м я т и н . Боюсь.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . То-то же. У тебя еще есть время самому отменить приказ. Придумаешь для директора что-нибудь... убедительное, сошлешься на мое вмешательство... Ну, поорет немного, успокоится... Райком бочку катит, спешат отчитаться. На них ноль внимания. Со стороны командовать большого ума не надобно. И обком – туда же...

З а м я т и н . Поздно. Уже первому доложили, а он крут. Сам понимаешь, член Политбюро... Церемониться не станет.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Ну да. Ситуация знакомая. Хорошо было бы, если бы им и отвечать... Ладно, как знаешь. А теперь давай твоих подопытных. Хочу в глаза посмотреть.

Замятин нажимает кнопку вызова, в приемной звенит звонок, появляется Жанна.

З а м я т и н . Жанна, попроси Славу с Аликом. (*Жанна выходит*). Ребята хорошую работу выполнили: замерили статэлектричество на транспортерах сухой фракции. Тридцать киловольт гарантируют, на больший предел прибора не нашлось. Правда, пока нет статистики по статэлектричеству, но лучше бы от него избавиться. Думаем – как...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Нужно не думать, а ко мне подъехать, посмотреть, перенять, как говорится, опыт. Вот и подошли своих орлов, пусть посмотрят вместо того, чтобы соваться в пекло.

З а м я т и н . Оставь, пожалуйста.

Входят Слава с Аликом, мешкают у двери.

Что так несмело? Входите.

С л а в а . Да мы думали...

А л и к . И ничего не смогли придумать.

З а м я т и н . Вот и молодцы. В воскресенье в ночь начинаем. Как?

С л а в а . Вдохновляет. А Дима сказал...

А л и кчто ничего не будет.

З а м я т и н . А я вам говорю, что будет.

С л а в а . Значит, будет. Вы главнее.

А л и к . А то мы ждем, ждем, утомились.

З а м я т и н . Теперь скоро.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А вы знаете, хлопцы, на что идете?

С л а в а . Знаем.

А л и к . Мы знаем, знаем.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А что случится?

С л а в а . Мы готовы. Алик завещание написал, у него хороший костюм остается...

Алик. Написал и в конверт запечатал: вскрыть после моей преждевременной смерти.
Николай Иванович. Ишь ты! Это хорошо, что заранее позаботились, а то с вашими портками неразбериха может случиться.

Слава. А что это, Иван Егорович, все точно отпевают нас?

Алик. Пристают с соболезнованиями...

Замятин. Сгущают краски.

Слава. Мы там были и снова войдем. И выйдем.

Алик. Мы такие.

Николай Иванович. С вами, вижу, толковать без смысла... Ну что ж, проживем, увидим. Слава. Нам можно идти?

Замятин. Идите. Подключайтесь к Диме, он проворачивает механизмы. Алик со Славой выходят.

Николай Иванович. Хорошие мальчишки. Скажи мне, Ваня, тебе не жаль их?
Замятин. Опять?

Николай Иванович. Нас однажды послали... в декабре, пешими... Из четырехсот человек тридцать два полутрупа дошли до цели. Только тридцать два... Остальных оставили по дороге... Это было совсем недавно... каких-то пятнадцать лет прошло... Нас послали, мы шли, у нас не было другого выхода... Знали, что не все дойдут, однако послали... Почти без пищи, без теплой одежды... На привалах запрещали жечь костры... Падали вповалку, на снег, сильные – в середину, они наутро поднимались на ноги, слабые оставались лежать...

Замятин. Было нужно, вот и послали. Теперь тоже нужно.

Николай Иванович. Теперь особой нужды нет... Сегодня я бы не послал ребят...

Замятин. Не было бы выхода, послал...

Николай Иванович. Очень подумал бы.

Замятин. А я что же, по-твоему, не думал? Еще как думал. (*Его душит воодушевление*). Это необходимо, и они пойдут. Нам нужны данные для серии, для твоего завода. Начинается новая жизнь, как ты не понимаешь?

Николай Иванович. Жертва нужна обязательно?

Замятин. Как высокопарно.

Николай Иванович. Не рассчитывал попасть в такой переплет, ни за что не поехал бы. Ты опять, Ваня, голову под крыло... Ну хорошо, ребята сделают свое дело, останутся целы. Ты защитишься, Карякина оправдается за ошибки в проекте. Все вроде бы встанет на свои места... Но скажи мне, только честно, а подвернись тебе такой же вот шаткий случай, не занесет ли тебя, как нынче заносит? Твоя проба – только первый приступ, как пойдет серия, сам господь Бог не скажет. Ложь ляжет в основу большого дела. А ведь Виктор не станет людей вводить. Никакой райком вместе с горкомом его не заставят. Получится, что ты сделал, а он не сумел. Его примутся крыть на всех перекрестках... Знаешь, я не стану скрывать, что ты сознательно пошел на серьезнейшее нарушение, попросту надул... Ты не только нам свинью подкладываешь... Почему?

Замятин. Пойми, я здесь давно ничего не решаю.

Николай Иванович. А я так уверен, что твоя затея. Директору не до тебя, у него своих забот выше крыши. Ближайшая коллегия для него будет последней...

Замятин. Вон оно что... Новая метла метет?.. Ты решил начинать с разгона старых кадров. Не прогадай.

Николай Иванович. Я сам себя разогнал бы с удовольствием. Устал. А теперь еще это предложение. Я откажусь. Не по Сеньке шапка...

Замятин. Напрасно. Высокая должность, перспективы...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . О чем ты говоришь, какая должность... Гонять взашей директоров предприятий, отстаивать финансирование, фонды... А ты знаешь, что меня до сих пор не реабилитировали? Не извинились за исковерканную жизнь, за двадцать лет... в наморднике... Теперь еще и ошейник добавить намерены...

З а м я т и н . А ты обращался насчет реабилитации?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Черта с два стану я обращаться. Я что, виноват в чем-то и должен просить прощения? Передо мной должны извиниться, должны попросить у меня прощения, и не только у меня, у всех нас... ээков поневоле... И, если даже представить совершенно невероятное, что у меня попросят прощения, я не прощу. Никогда. За такое – прощения нет. Никому. Ни тем, кто выбивал из меня показания, ни тем, кто гноил меня эти годы, ни тем, кто теперь орет, что восстановлена справедливость и мне разрешено не только выезжать в центральные города, но и жить в них. Справедливость, Ваня, не восстанавливают. Задним числом не восстанавливают. Запоздали малость.

З а м я т и н . Это так... к сожалению.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А как с документацией? Ведь ты обязан упомянуть о людях... Будут же люди при процессе.

З а м я т и н . И не подумаю. Я, Коля, вот что скажу тебе... Я почувствовал... словом... дела мои плохи, если я и на этот раз дам маху...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Я же говорил: ва-банк. Но в нашем деле...

З а м я т и н . В нашем деле нельзя, согласен. Так ведь нет иного выхода...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Это тоже не выход.

З а м я т и н . Но все же лучше, чем ничего.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . И здесь боишься. Ну что ж... Не хотел вспоминать... вынуждаешь. Когда-то был момент в нашей жизни, помнишь?.. Он мучит меня до сего дня. Взяли Бодягина, пришли ему подкоп под угол мастерской. На самом деле Бодягин тянул дополнительный кабель. Действительно, рабочие выкопали траншею от кабельного колодца до угла здания – по прямой, сэкономили метров пять. А вот оформить документацию, как положено, не удосужились. На этом и погорели. К тому же сразу нужного куска кабеля не нашлось. Пока заказали, пока привезли, а Бодягина уже повязали... Нужно было взять ответственность на себя... В тех условиях, когда привлекали по разнарядке, это был стопроцентный риск, но я сознательно пошел на него. Все понимал и все-таки пошел. А ты, Ваня, не встал рядом, в стороне замешкался... И уцелел.

З а м я т и н . К о л я . . . Ты всего не знаешь...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Ну отчего же? Я знаю, что меня еще не перевезли в город, а на заводе уже все наладилось... Нашелся кабель, пустили дополнительные мощности по динамиту... Я оказался прав... и загремел на шестнадцать лет... Всего-то... Ты тогда промолчал, точно тебя не касалось. Я тебя не виню, формально твоей вины нет. Признаюсь, сначала, после первых побоев, я подумал по слабости человеческой, что мы женщину делили, грязная такая мыслишка завладела мной... Представляешь, Ваня... я так подумал. Я же видел, знал, что Лиля тебе нравится... Я даже мысленно обвинял тебя в своих бедах, и представь себе, мне на время становилось легче. Потом, когда тоска притупилась, я понял, что здесь не женщина, здесь другое, страшное, чему имени нет. Что женщина? Ну, не я с нею прожил энное количество лет, а ты. Что в том? Каждому своя жизнь отпущена, так? Теперь ты смотришь на меня и думаешь: «Дорвался Николай, мстить будет, прежде-то не ухватить было, теперь отыграется». Нет, милый мой, мстить не намерен, да и что мечь? Ты лучше мне вот что скажи... ты счастлив, Ваня? З а м я т и н . Ты только так и умел всегда – в лоб.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А ты хочешь, чтобы я на старости лет пошел кругами? Не умею. Счастлив, спрашиваю?

З а м я т и н . Счастлив.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А Лиля?

З а м я т и н . Ты сегодня ее увидишь. Как узнала, что ты приехал... места себе не находит... плачет.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Ты знаешь, я ехал сюда и никак не мог представить себе, каким стал ты и какой стала Лиля. Тридцать лет как один день...

З а м я т и н . Точно.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . У тебя, Ваня, уж и дети, поди, взрослые?

З а м я т и н . Взрослые.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Сколько же их у тебя?

З а м я т и н . Два сына. Леха и младший, Вадик.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Леха – это который на Карякиной женат? З а м я т и н . Точно.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Сколько же им, твоим деткам?

З а м я т и н . Леха – тридцать восьмого, декабрьский... Двадцать семь с хвостиком... Вадик – сорок седьмого...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Тридцать восьмого, говоришь? А не путаешь?

З а м я т и н . Нет, не путаю.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Меня взяли в мае... Двадцать четвертого мая тридцать восьмого года. Ты что же – на Лиле женился сразу после того?..

З а м я т и н . Нет, не сразу.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Тогда... не пойму.

З а м я т и н . Вскоре после того, как тебя... Лиля поняла, что беременна...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Что?..

З а м я т и н . Меня вызвал Охлобыстин, уполномоченный, помнишь, жил с нами в общежитии, в соседней комнате. Сказал, что тебе крышка, не выпутаешься и что Лилю и будущего малыша можно спасти, только если я женюсь на ней официально и дам ей свою фамилию... В противном случае, она пойдет... следом... Я вынужден был сказать Лиле. После того, как тебя забрали, она была в страшном состоянии... боялись за ее жизнь. Она наотрез отказалась, в истерике обвинила меня... Договорилась до того, что во всем виноват я, что тебя взяли из-за меня. Я попробовал объяснить... никакого толка... Сказал Охлобыстину. Тот вызвал Лилю, объяснил, чем рискует, занимаясь ее судьбой. Лилия согласилась. Наш брак был... фиктивным до сорок шестого года, когда я случайно узнал в Главке, что тебя выпустили и назначили начальником стройки на Алтае. Что ты там и осел...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Меня осадили, так будет точнее. Та же колючка, бараки... только работа другая, от которой отвык. Без права переписки. В сорок восьмом, когда завод пустили, нынешний мой завод, забрали опять, правда, оставили на заводе, на этот раз до пятидесяти третьего. Потом расконвоировали, но без паспорта и права выезда в центральные области. Я ничего не знал... о сыне...

З а м я т и н . Мы ничего не знали о тебе...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Теперь знаете.

З а м я т и н . Ну да. Теперь знаем.

Нетвердой походкой входит Охлобыстин. Он крепко пьян. Молча обходит кабинет, не обращая внимания на присутствующих. Молча выходит.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Это еще что за лунатик?

З а м я т и н . Начальник первого отдела Охлобыстин Иван Антонович. Вечерний обход.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Неужели тот самый?..

З а м я т и н . Тот самый. Когда-то нас принимал на работу, помнишь? Ветеран.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . И эта сволочь продолжает жить?

З а м я т и н . Не понимаю...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . И продолжает вершить... расправу? Он же страшный человек... Сколько раз, Ваня, я добирался до его горла... во сне... С этими подонками, что же, ничего не делают?

З а м я т и н . А что с ними сделаешь?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Действительно, что с ними сделаешь? Я как-то забывать стал, Ваня, а не след забывать старое. Это же только в поговорке гладко: кто старое помянет... Старое – оно с нами, не отвертишься, не спрячешь.

З а м я т и н . Я виноват перед тобой, Коля, но с тех пор прошло столько времени, что, право же, пора забыть... К тому же мы были так молоды...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Сам заставляешь вспоминать, я бы ни за что...

З а м я т и н . Ладно, Коля, поехали домой, а?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Я давно делю людей на две категории: одни задают себе вопрос: «А по совести ли я живу?» – и этот вопрос для них – последняя инстанция. Для других или нет такого вопроса – эти законченные негодяи, или есть рядом с этим вопросом нечто смягчающее, что дает надежду вывернуться...

З а м я т и н . Себя ты относишь к первым?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . К первым... Да, к первым.

З а м я т и н . А меня ко вторым.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Угадал. Тебя – ко вторым.

З а м я т и н . Спасибо, К о л я . Ну, едем? Лиля заждалась...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Ты, Ваня, не постарел, как я подумал вначале, ты никогда молодым не был. Жаль мне тебя... Ладно, хватит. Звони в гостиницу, хочу выспаться... Устал чертовски...

З а м я т и н . А как же Лиля?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А что Лиля?

З а м я т и н . Что я Лиле скажу?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А ничего не скажешь. И что ты можешь ей сказать?

З а м я т и н . Ты не прости?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Нет.

Действие второе

Общезитие – четырехкомнатная квартира. В большой проходной комнате три кровати, здесь живут Слава, Алик и Юрий Андреевич – временно. Слева – двери в три небольшие комнаты. В одной из них живут молодожены. Их теперь нет, и они не появятся, в другой Охлобыстин, в третьей поселили командированных Николая Ивановича и Виктора Афанасьевича. Посередине комнаты – обеденный стол, вокруг него – несколько стульев. Слава и Алик лежат на своих кроватях поверх одеял, смотрят друг на друга и допевают песню «Она по проволоке ходила...» Позднее утро, суббота. За окном пасмурно, дождь.

А л и к (мечтательно). Знаешь, Славка, о чем я теперь думаю? Хорошо бы чего-нибудь пожевать.

С л а в а (ворчливо). Андреич бросил нас на произвол судьбы. Я всегда говорил: с людьми держи ухо остро, не доверяйся всякому встречному, боком выйдет... А ты...

А л и к. Грубый ты человек, Славка, плохой человек, холодный.

С л а в а. Голодный, так будет точнее, но еще теплый. (Словно бы невзначай). Сегодня ко мне придет Жанна...

А л и к. Ну и что?

С л а в а. А то, что тебе... придется выметаться.

А л и к. Дашь денег на кино, а еще лучше в кафе посидеть – уйду, а так – ни за что.

С л а в а. Посмотрим.

А л и к. И смотреть нечего. Тебя одного нельзя оставлять, черт знает, чего натворишь...

С л а в а. И натворю. Завидно? Вообще-то ты суешься не в свои дела, как бы по носу не схлопотать.

А л и к. Это дело очень даже мое. Жанна – хорошая девушка, но, увы, не для тебя...

С л а в а. Какой же ты дурачок.

А л и к. Дурачки, к твоему сведению, как раз самые зрячие. Недаром в ответственные моменты истории на сцену выходит дурачок и делает дело, а умники жмутся в сторонке, ушами помахивая... от ума...

С л а в а. Ты решил, что настал именно такой момент?

А л и к. В том-то и дело...

С л а в а. Принимаю к сведению, но на большее не рассчитывай. А теперь помолчи.

А л и к. Молчать не стану. Не могу молчать. А тебе зачем, чтобы я молчал? Думать будешь?

С л а в а. Буду.

А л и к. Ну, думай, думай. А я буду тебе рассказывать, что будет потом, когда ты женишься. Хотя, зачем рассказывать, ты и сам знаешь. Первым делом у тебя пойдут дети. Никогда не подозревал, что ты такой чадолюбивый. Но только учти, от меня не избавишься, я решил с вами жить всегда. Стану ухаживать за твоими детьми... В детстве мне всегда хотелось, чтобы рядом был взрослый человек... Детство прошло, оно было хорошее – мое детство. У тебя было плохое детство, потому ты такой дерганый... Молчишь? Ну, молчи, молчи. Мне просторнее, когда ты молчишь. Отец приучил меня рассуждать вслух. Он как-то пришел и сказал, что вновь появилась страна, за которую он воевал, – Россия. Значит, пришла пора рассуждать... Интересно, что за время настало тогда? Раньше как-то не думал... Я учился в восьмом классе... значит, был пятьдесят шестой год. С того времени я стал рассуждать. Слушай, Славка, а он о нас действительно забыл.

С л а в а. Он занят, у него дела, семья какая-никакая. Мы ему кто? Своих детей нет, вот и вымещает на чужих нерастраченную нежность.

А л и к . Он к нам очень хорошо относится.

С л а в а . Куда уж лучше.

А л и к . Все-таки ты зануда. В такую рань человек потащился в город, рыскает по подворотням, клянит. Разве не стыдно в его-то годы с протянутой рукой?..

С л а в а . Воображение у тебя в порядке. Да он к женушке под бочок закатился, сегодня же выходной, она дома...

А л и к . Плохо ты о нем думаешь. И потом, мне кажется у него с женой не все ладно.

С л а в а . Чепуха! Он поехал поездом шесть пятнадцать, в восемь дома. Она спит в такую рань. Он туго свое дело знает, этот Юрий Андреевич. А мы с тобой посторонние... Он здесь еще покантуется малость, подсоберет материала и – восвосяи. Больше мы с ним никогда не встретимся.

А л и к . Врешь ты все! Он не такой, он хороший...

С л а в а . У тебя только и есть, что хорошо или плохо. Но ведь это же крайности. Между ними, по-твоему, огромное незаполненное пространство. Но ты ошибаешься – пространство это заполнено, заселено, обжито. Кстати, по распределению Максвелла, именно большая часть человеческих отношений приходится на золотую гнилую середину. Ты, Алик, полярный человек, тебя нынешняя цивилизация пощадила...

А л и к . Я бы врезал тебе, Славка, за такие слова. Циник.

С л а в а . Ха! Он бы мне врезал! Да я жду, не дожусь, когда наконец-то в тебе мужик очнется, и чтобы ты именно врезал. Даже мне, согласен. Нельзя же без конца мямлить: ах, они хорошие, ах, они плохие... Плохих – побоку, к хорошим – поближе... Продадут тебя твои хорошие.

А л и к . А ты хороший?

С л а в а . Черта с два! Не желаю быть хорошим.

А л и к . В тебе говорит твое прошлое. Ты еще отойдешь, отогреешься. Забудешь детские обиды...

С л а в а . Дудки! Самые сильные впечатления из детства.

А л и к . Неужели ничего хорошего не было?

С л а в а . Было. Когда я оставался один. Это случалось редко.

А л и к . А я не могу быть один. Мне без людей тошно.

С л а в а . Ты домашний ребенок – я общественный. Чуешь разницу?

А л и к . Зачем же ты женишься? Ведь один не будешь...

С л а в а . Сложный вопрос.

Из своей комнаты выходит Охлобыстин. Он в драной полосатой пижаме, со сна раздражен и недоволен всем на свете.

О х л о б ы с т и н . Пацаны, привет. Все на свете проспал, и ни одна сука поганая не разбудила старого чекиста, мать вашу, перемать... Куда вы, тараканы, подевались? Слушайте, а что за клиенты объявились в нашей хате? Чего им надобно?

А л и к . Командировочные.

О х л о б ы с т и н . Знаю, сам принимал, документы в порядке, хотя малое, самое малое подозрение имеется. Понял, нет, Алик? Я к тому говорю, что наша квартира – не проходной двор. Буду жаловаться начальству, жить невозможно... стало.

А л и к . Иван Антонович, у вас же своя квартира имеется. Что ж вы там-то не живете?

О х л о б ы с т и н . А вот, представь себе, не живется. Одному скука смертная. Без людей мне худо. Понял, нет? Охламон...

С л а в а . Иван Антонович, а вы помните, что вчера вытворяли?

О х л о б ы с т и н . Что же я такое вытворял, Славик? Напомни, милый человек, сделай одолжение старому заслуженному чекисту.

С л а в а . Явились в совершенно непотребном состоянии. Точнее, Леха вас приволок под мышкой, вы-то уж ничего не соображали. Но, странно, довольно быстро очухались и принялись нас стращать карами небесными. По секрету поведали, как людишек ломали – сначала вдоль, потом поперек. Это что, правда?

О х л о б ы с т и н . Да кто ж его знает, правда ли, нет ли... Подобное, братцы мои, неведомо. Бо-ольшая тайна, скажу я вам. Государственная. Наши тайны наперечет государственные. А вы, одолжение сделайте, забудьте. Мало ли что сказанул старичок спьяну?

С л а в а . Значит, недаром люди говорят, что вы страшный человек, и что вам давно пора голову открутить.

О х л о б ы с т и н . Кто ж порет такую чушь?

С л а в а . Так я вам и говорю. Ждите своей печальной участи.

О х л о б ы с т и н (*заводится*). А если я тебя как следует попрошу? Колись, парень, не доводи до греха...

С л а в а . И не подумая.

О х л о б ы с т и н . Ладно, я сегодня что-то очень добрый. А ты, барбос, дожدهшься, все вспомнишь: и что было, и чего не было... Все вспомнишь... Это я тебе обещаю.

С л а в а . А вот это едва ли случится, старый пес... Уж нет на свете тех, кому ты задлизал. Впрочем, и тех, кому ты ломал пальцы, выбивал зубы.

О х л о б ы с т и н . Понял! Не иначе Бодягин. Ах сукин сын, ведь предупреждал. Ну, он у меня теперь запоет... все припомню...

С л а в а . Только попробуй, ублюдок! Иди вон, с горшка не свались, поднимать не стану.

О х л о б ы с т и н . Хорошо, Славка. И с тобой разберемся, не таких просвещали. Хорошо...

Выходит.

С л а в а . Живут же твари, одним воздухом с нами дышат, хлеб едят... Мерзость... Мы вынуждены ублюдка по имени-отчеству величать...

А л и к . Успокойся,

С л а в а . Ничего не поделаешь.

С л а в а . А хотелось бы. Просто руки чешутся морду его поганую разбить. Башкой о стенку... Он истязал Бодягина две недели, ничего не добился. Шил тому, будто бы он под угол динамитного цеха подкоп сделал и готовился мину подложить. А Бодягина заложила жenuшка. Из-за пустяка повздорили, он в ночную смену, а она на танцы намылилась. Он не пустил... Чего она наплела Охлобыстину, давнему своему воздыхателю?.. Тот взял Бодягина и малопомалу раскрутил дело о террористической организации на важнейшем оборонном заводе. А в руководители организации назначил, знаешь кого? Николая Ивановича, гостя нашего... Тот попробовал за Бодягина заступиться. Пошел следом...

А л и к . Откуда ты все это знаешь?

С л а в а . Я вчера проводил Жанну, а на обратном пути встретил Бодягина. Тот как увидел Николая Ивановича, так места себе не находит, боится, что тот думает, будто он не выдержал и наговорил на него...

А л и к . Страшно, Славка... Я думал, что это безумие было давно.

С л а в а . Нет, Алик, это было недавно и везде. И сегодня исподволь продолжается, пока живы Охлобыстины...

А л и к . А ты жениться собрался... Я так понимаю: женятся, когда друг без друга жить не могут, когда продолжают друг друга... А ты без Жанны можешь?

Охлобыстин возвращается в свою комнату. С этого момента он время от времени будет появляться в общей комнате, пьянея с каждым появлением. Он ничего не будет говорить. Заметив его, присутствующие будут примолкать на некоторое время.

С л а в а . Ты надеешься встретить такую девушку, без которой не сможешь?..

А л и к . Еще как надеюсь!

С л а в а . Чепуха! Все они одинаковы, если приглядеться. Две руки, две ноги, голова, далее – по списку... Только одни заметны невооруженным глазом, других рассмотреть нужно, третьи неприятны, но таких мало... Мы не выбираем, мы идем и спотыкаемся, потираем ушиб и вдруг замечаем, рядом стоит девица и смеется... Смеется невесело, обреченно. Тогда мы кончаем потирать больное место и говорим себе: она видела меня больным и живым, она заглянула в мою душу, ей стало смешно и грустно, это судьба у меня такая... Так просто.

А л и к . Ну да, просто. Ты никогда не умел говорить прямо, все какие-то иносказания... непонятные.

С л а в а . А ты постарайся понять. Мне Жанна кажется родной, она незащищенная, ее могут обидеть, ведь она сидит, сидит и однажды пойдет на танцы, пойдет выставять себя напоказ... Я не могу допустить, чтобы было так, мне становится худо...

А л и к . Кто-то скребется, слышишь?

С л а в а (*вздыхая*). Молодожены явились.

А л и к . Нет, это Юрий Андреевич.

С л а в а . Давно пора.

Хлопает входная дверь. Из прихожей слышен голос Вересова: «Погоди здесь, я посмотрю, что у нас...» *Входит Юрий Андреевич.*

Ю р и й А н д р е е в и ч . Привет, лежебоки. Все валяетесь?

С л а в а . Тебя не спросили.

А л и к . Ты его прости, Андрееч, он малость не в себе – жениться собрался, а в таком состоянии человек на некоторый интервал времени дельта тау становится собакой.

Ю р и й А н д р е е в и ч (*кричит*). Лена! Можно.

Появляется Елена, жена Вересова.

Смелее, не съедят.

Е л е н а . Здравствуйте. Это что же, те самые?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Они.

Е л е н а . Очень интересно.

С л а в а (*отворачивается к стенке, равнодушно*). Ничего интересного.

А л и к (*рассматривает Елену*). И мне тоже так кажется – ничегошеньки. Вы... его жена?

С л а в а . А тебе не догадаться... (*Ворчиливо*). Просто вынуждают принять вертикальное положение – как-никак нас посетила дама.

Е л е н а . Можете не стараться, я на минуту.

С л а в а . Дольше быть в вертикальном положении утомительно.

А л и к (*Елена ему нравится*). Это Слава так шутит. Пожалуйста, не обращайтесь внимания, он не в лучшей форме – жениться собрался.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Я здесь кое-что привез. То есть мы кое-что привезли. Нужно в гастроном слетать. Кто?

С л а в а . Во-первых, было по пути, во-вторых, зачем было раздеваться, коли уже одет...

А л и к . Бессовестный, мы здесь валяемся, а он под дождем.

С л а в а . Подумаешь, под дождем. Она вон по проволоке ходила и то ничего... А денег достал?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Целый четвертак.

С л а в а . На четверых-то?

А л и к . Тебе мало? Во вторник зарплата.

С л а в а . До зарплаты дожить нужно.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ну, так кто?

С л а в а . Я же говорю, ты одет, а нам одеваться... И мы ничего не ели целые сутки, нет, двое суток. Почти трое. Талоны кончились, а в долг, сам понимаешь, все еще не кормят, хотя обещали...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ладно, сбегаяю. Я скоро. Вы тут Елену не обижайте.

Юрий Андреевич выходит. Слава и Алик немедленно вскакивают с кровати, церемонно подходят к Елене, протягивают руки.

С л а в а . Владислав. Очень приятно.

А л и к . Алик, рад познакомиться.

С л а в а . Значит, вы решили посетить наш городок? Похвально.

А л и к . И как он вам показался?

Е л е н а . Грязно и сыро.

С л а в а . Ах, даже так! Уверен, поверхностные впечатления. Присмотритесь получше, вы увидите таких людей...

А л и к . На каждом шагу человек, а то и двое сразу.

Е л е н а . И даже трое – на бидон бормотухи.

С л а в а . Однако, вы наблюдательны. Сколько живем здесь... а не углядели, чем народ занимается. А он, оказывается, бормотуху пьет.

Е л е н а . Мне Юра сказал, будто вы собираетесь вести замес вручную.

А л и к . Святая правда.

С л а в а . Мы не только собираемся, мы замесим.

Е л е н а . Очень интересно было познакомиться с настоящими энтузиастами. Сегодня – большая редкость.

С л а в а . Однако вы ироничная особа. Андреич с вами ладит? Сам он не ироничный человек.

А л и к . Андреич – очень ироничный человек, просто ты юмора не понимаешь.

С л а в а . Ах, юмора... Ну, простите...

Стук В дверь. В прихожей возня, что-то падает. Проходит Охлобыстин.

С л а в а (*кричит*). Открыто! Какого там черта принесло?

А л и к . Судя по размашистым действиям, Л е х а .

Входит Леха. Он уже хорош.

Л е х а . Мужики! Да... мужики! Бормотуху дают!..

С л а в а (*резко*). Замолчи! Немедленно замолчи!

Л е х а . А ты мне что, указ? Ты мне что, жена?

С л а в а . Еще слово и полетишь по лестнице...

Л е х а (*замечает Елену*). А... здесь оказывается представитель прекрасного, черт его подери, пола! Чья женщина, мужики?

А л и к . Андреича.

Л е х а . Андреича супруга? Братцы, а он в винном отделе топчется. Надо же предупредить...

Е л е н а . Не стоит стараться.

Л е х а . Нет, Леха никогда друга не подводил. (*Порывается выйти*). Ни-ког-да.

А л и к . Она знает, успокойся.

Л е х а . А я, между прочим, совершенно спокоен. Как пульс покойника, понял, нет? Так сказал мой любимый поэт Маяковский Владимир Владимирович. А я повторяю, когда общаюсь с молодыми обормотами, вроде вас... Я к вам зачем, мужики? Рублика у вас не отыщется, такого рваненького, такого... Или железного, а?

А л и к . Увы, капитал у Андреича.

Л е х а . Я отдам талонами, мужики, не верите? Или с получки...

С л а в а . Верим, ты отдашь. Ты уже столько раз отдавал. Только при чем здесь талоны, получка? Ты же уволился.

Л е х а . Так я с понедельника выхожу по новой. Она сказала, пора за ум браться. Сегодня еще погуляю, а вот уж завтра возьмусь. Изо всех сил.

С л а в а . Куда же тебя определили?

Л е х а . А к вам в группу. Мы теперь снова коллеги.

С л а в а . Семейственность разводите?

Л е х а . И не говори... Буду, думает, у нее на глазах. А что делать? Некуда мне деваться, братцы... Вот разве к вам забегу, поговорю с добрыми людьми, душу отведу...

С л а в а (*жестко*). Нужно было прежде башкой думать.

Л е х а . Ты верно подметил, начальник, только уж мы, видать, другим местом крепки...

Е л е н а . Я спущусь в магазин, у вас свои разговоры.

Появляется Охлобыстин. Останавливается, порывается что-то сказать, сокрушенно машет рукой, уходит.

А л и к . Ну что вы, что вы, мы Леху каждый день видим, он хороший, вы к нему скоро привыкнете.

Е л е н а (*идет к двери*). Нет, я все-таки спущусь.

С л а в а (*Лехе*). Видишь, Леха, от тебя уже шарахаются.

Е л е н а (*от двери*). При чем здесь он? (Уходит).

С л а в а . Он при чем. Он плохой человек, и это бросается в глаза.

А л и к . Славка нервничает, Леха, он жениться собрался.

Л е х а . Слава? Тебе, Слава, видать, плохо живется... Зачем?..

С л а в а . Тебя не касается, помолчи.

Л е х а . Как же я могу молчать? Ежели лучший, можно сказать, друг голову в петлю сует? Ты на меня посмотри... (*После паузы.*) Мужики, можно я у вас посижу малость, а?

С л а в а . Посиди. Только предупреждаю: орать станешь, выгоним. Нам не светит портить отношения с начальством.

Л е х а (*мечтательно*). Диму видел – младшенькую прогуливает. Вот кому повезло. Дима – хороший человек. Вы не знаете, мужики, какой он, я один знаю. Когда с Павликом случилось это... ну, мастерскую подняли, еще до последнего раза, и с ним трое ребят было, женщин они отпустили до шести, те уже топали к проходной, когда шарахнуло. Машка в больнице лежала. Соню она на другой день родила. Все удивлялась, отчего Павлик не идет? А Павлика и тех ребят... что от них осталось, сложили в полиэтиленовые мешочки, и в Питер – на экспертизу.

Чтобы, значит, выяснить, как эти самые компоненты на живой человеческий организм влияют. Козлы тупые, будто не знали – как. Прикидывались. Все они, суки, знают, им бы только усиленное питание отменить, отделаться от нашего брата бутылкой молока, тем и живы. Маше ничего не говорили, пока не поправилась. А потом Дима ее встретил... Они с Павликом были друзья. С л а в а . Что ты мелешь, Леха?

Л е х а . Ничего я не мелю, Слава. Говорю, как было. Мы ведь с Павликом с института вместе, работали в той мастерской, только в разных сменах. Мой папашка тогда только-только КБ организовал и возглавил. Ясно?

С л а в а . Еще раз объясни.

Л е х а . Ну так слушай. Сначала Павлик был мужем Маше, а потом, когда Павлик гробанулся, Маша вышла за Диму. Не сразу, а года через два. Он ее кое-как уговорил. Это уж потом, когда они полюбили друг друга, Иришка родилась, младшенькая... Ясно? С тех пор Дима им всем отец... Теперь ты понял?

С л а в а . Теперь понял. Скажи, а ты своих прогуливаешь?

Л е х а . Уж очень ты хочешь обидеть меня сегодня, С л а в а . Зачем?

Проходит Охлобыстин. Вновь останавливается, хочет что-то сказать, но не решается. Машет сокрушенно рукой, удаляется.

А л и к . Давайте Диму позовем...

С л а в а . Действуй. Мы сегодня всех позовем. Может быть, в последний раз...

А л и к (*подходит к окну, распахивает его, кричит*). Дима! Дмитрий Иванович!

С л а в а . Так он тебя и услышит.

А л и к (*машет рукой*). Еще как услышит, он же рядом. (Кричит). Заходи, старик, дело есть! Не нагулялся? Не нагулялся, спрашиваю? Он еще не нагулялся. Потом заходи! Порядок, зайдет.

Л е х а . Дима хороший.

С л а в а . Еще один мыслитель. И куда мне от вас, мыслителей, деваться, ума не приложу.

Л е х а . Ты вот на меня всю дорогу бочку катишь, а за что, спрашивается.

С л а в а . Отвечается: ты очень плохой человек, дрянь человек. Понял?

Л е х а . Понял. А можешь ты мне объяснить толком, отчего все люди точно сговорились пальцами на меня показывать? Слон я, что ли, из зоопарка?

С л а в а . Неужели ты бывал в зоопарке?

Л е х а . Очень давно.

С л а в а . Лучше бы ты там остался.

А л и к . Оставь его, Славка.

С л а в а . А как у тебя с милицией, мыслитель?

Леха (*оживляясь*). Порядок. Они хотели, чтобы я устроился работать, вот я и устроился. Видел сегодня в гастрономе майора Юрия Ивановича Гурьянова, доложил ему, он посоветовал побриться.

С л а в а . Отцы родные для тебя наши славные стражи порядка.

Л е х а . Не скажи! Иной раз так пропесочат, что только держись. Особенно майор, товарищ Гурьянов.

С л а в а . Не то место они тебе песочат.

Л е х а . Согласен, не то...

С л а в а . Ты хоть алименты Люське посылаешь?

Л е х а . Не берет.

С л а в а . Оправдался. А порядочный человек завел бы книжку в сберкассе и отчислял бы на нее положенное.

А л и к . Славка, прошу...

С л а в а . А ты чего просишь, проситель хренов? Ты меня не проси, ишь натыркался — делай то, делай это... Да мне на Алексея смотреть тошно.

А л и к . Всякий человек достоин понимания, жалости, наконец...

С л а в а . Чепуха! Я бы на месте нашей славной милиции всех алкашей отвез бы подальше и — на подножный корм, пусть себе пасутся и видом своим похабным не смущают нормальных людей. Я бы их в одну кучу и погнал бы к обрыву человеческого жилья...

А л и к . Да уж, дай тебе волю, ты бы всех переженил и заставил быть счастливыми...

С л а в а . А что? Идея. Заставил бы, именно заставил. Я бы им кое-что объяснил, а то призабывать стали. Тоже мне, венец творенья, не успели с дерева сползти, лиану из лап выпустить, а уже ополоумели от гордости... Страшно ведь не то, что несчастливы, страшно то, что каждый знает, как нужно жить, чтобы быть счастливым. Ты думаешь Леха не знает? Еще как знает. Он мне однажды такую лекцию закатал, куда там, профессор этики и морали... А посмотри на него. Не лицо — морда, не руки — грабки, в башке — опилки, мусор... И не жаль мне его вовсе. Не имеем мы права жалеть. Жалость унижает.

Л е х а . Мне ничья жалость не нужна, меня жалеть не надо. Все она, проклятая, попутала...

С л а в а . Ах, дитячко, ах, несчастненький, обидели, пальчик прищемили, дай, подую, бобо и пройдет... Дурень ты! Поседел, а ума в черепок так и не наскреб... Дурень.

Л е х а . Люблю тебя, Славка... Ты один понимаешь душу рабочего подростка...

С л а в а . Пальцем не шевельну, чтобы понять тебя. Я не жenuшка твоя лицемерная, я тебе говорю правду...

Входит Юрий Андреевич с сеткой в руках, в ней — свертки, хлеб, бутылки. Следом за ним — Елена. Проходит Охлобыстин, мешкает, чужа выпивку, его не замечают. Он понимает, что и не заметят. Уходит.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Разоряетесь, аж на улице слышно. Леху просвещаете? А его тем временем жenuшка ищет, поискивает. Ковер выколачивает бедолага, надрывается. Слышите?

Л е х а (*прислушивается*). Ищет, говоришь? (*Он заметно горбится, вжимает голову в плечи*). Бедная она женщина, ей ведь тоже хочется... счастья.

С л а в а . Вот и топай к бедной женщине.

Л е х а (*оживляясь*). А я не хочу!

С л а в а . Боишься, как бы она тебя за патлы не оттаскала?

Л е х а . Неправда, она меня никогда не трогает...

С л а в а . У тебя все впереди.

Юрий Андреевич выкладывает свертки на стол, Елена помогает ему.

Студень?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Знаешь ведь, нет его здесь. Не завозят. Колбаса.

С л а в а . Колбаса типичное не то. Жаль, что нет моего любимого студня. Вот где белок для мозга.

А л и к . Сначала мозгами обзаведись.

С л а в а . Молчишь, молчишь, а потом как ляпнешь... умница. Студень — объеденье. Я еще когда в Ленинград приехал, в институт, только и делал, что студень с чернушкой лопал. Ковырнешь его, бывалоче, а он духовитый, серенький, и чего только в нем нет: тут тебе и брони животного — значит, легкое попало, тут тебе и хрящики — конечности в дело пошли, тут тебе волосок короткий — шкура рядом лежала. Сплошная радость. А с горчицей... Слов нет

– вкуснотища! Дураки, забросили студень. Или скармливают кому отходы, потроха? Оттого, заметьте, и перебои с мясом. Был бы студень в изобилии, перебоев с мясом не было бы в помине, не пришлось бы Матвеевой Ирке мотаться в город за говядиной для своего обжоры, не было бы интеллигентских болезней, всяких раков и прочей белиберды, мир был бы устойчивей, проще... Нет, подавай колбасу! В «Экспрессе» на Финляндском однажды при мне выбросили какую-то мумифицированную дрянь. Не иначе, государственные запасы последней египетской династии, чудом уцелевшие в пирамидах. Так что там делалось! Такие приличные люди, отцы и матери семейств, а какими они стали... Не научились у нас использовать благородные порывы толпы для производства, скажем, электроэнергии, ведь если с каждого, стоящего в очереди и решающего проблему «хватит – не хватит», снять статэлектричество, стране не пришлось бы строить одну-две крупнейших в мире электростанций, обошлись бы своими силами...

А л и к . Ты никогда так много не говорил. Скорей всего ты болен, дай лобик пощупать, никак температурка... Ах, бедняга!

С л а в а . Оставь меня в покое. Я дело говорю, а он...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Прошу за стол.

Слава с Аликом разом вскакивают, исполняют танец вокруг Вересова, рычат и по-визгивают.

С л а в а . Больше всего на свете люблю сказку про волка и семерых козлят. «Ваша мама пришла, молочка принесла...» Шедевр! Вся мировая литература линяет при звуках этого гимна.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Руки мыть полагается, прежде чем...

А л и к . А мы уже мыли, когда вставали.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Марш в ванную! И зубы почистить, я пасту привез. (*Слава, Алик и Леха немедленно выходят. Елене*). Тебя не замотали здесь?

Е л е н а . Почти. Хорошие ребята.

Ю р и й А н д р е е в и ч . А ты не хотела ехать.

Е л е н а . Зачем, Юра? Зачем ты это говоришь? Все решено, зачем же...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ты знаешь, что мне удалось понять? Я их отпускаю так же, как прежде отпустил тебя. И... подло ищущ оправдания.

Е л е н а . Меня ты не отпускал, ты просто ушел.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Какая разница? Сам ушел... Я тебя отпустил, а не должен был бы... Не оправдания я ищущ теперь – равнодушия, по крупичкам собираю в себе, чтобы успокоиться, но нет мне покоя... Мы должны быть вместе, Лена.

Е л е н а . Ты так далеко теперь...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Не очень. Ты убедилась, что не очень. Я здесь еще побуду и вернусь. Мне нравится так говорить и думать...

Е л е н а . А потом ты решишь, что опять ошибся...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ну и что?

Е л е н а . Я хочу быть уверенной в тебе.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Будь.

Е л е н а . Легко сказать – будь. Ты... дай мне ребенка...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ты же знаешь... с чем я работаю...

Е л е н а (*сквозь слезы*). Какая я дура!.. Прости меня.

Ю р и й А н д р е е в и ч (*идет к ней, обнимает*). Ты прелестная женщина. Просто тебе немного не повезло с мужем.

Е л е н а . Но ведь не наверняка?..

Ю р и й А н д р е е в и ч . Нет, конечно. Вероятность в несколько раз выше, чем у нормальных людей, больше ничего. Ольга первого мальчика родила мертвого, ей даже не показали его, а вторая девочка хорошая...

Е л е н а . Давай возьмем из детдома... Нет, нет! *(Плачет)*. Я не могу, не могу... Ты должен понять.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Понимаю. Я люблю тебя, как ни противоестественно это звучит...

Е л е н а . Не нужно. Ты делай свое дело, а я лишний раз не напомню о своем существовании...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Я постоянно чувствую тебя рядом.

Е л е н а . Можно, я сейчас уеду?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Нет. Побудь с нами. Я устал без тебя. Боюсь, не выдержу и поеду следом. А сейчас я нужен здесь.

Е л е н а . Никогда не общалась с самоубийцами...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Я подумал об этом... Что ты скажешь, если я войду туда... вместо Славки?

Е л е н а *(кричит)*. Нет! *(Справившись с собой)*. Почему вместе Славки? А Алик?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Я могу только вместо одного. Славка женится...

Е л е н а . Но почему, почему?.. Неужели есть такая необходимость? Так рисковать...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Сколько шансов у нас?

Е л е н а . Если бы немного смягчить полимеризацию... Но ведь смысл новой рецептуры именно в ускоренной полимеризации. Только так можно получить нужную структуру. Удерживать бы температуру до пятидесяти пяти градусов...

Ю р и й А н д р е е в и ч . На этом оборудовании не получится.

Е л е н а . Тогда вы однозначно поднимете мастерскую на воздух. С людьми или без людей.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Идут, тихо.

Возвращаются Слава с Аликом. По одному подходят к Юрию Андреевичу, скалят зубы, рычат.

Порядок, приступим.

Слава и Алик садятся рядом. С виноватым видом входит и присаживается Леха. Проходит Охлобыстин, что-то несет в свою комнату. Его не замечают.

А л и к . За что пить будем, соотечественники?

С л а в а . А без «за что» ты не можешь?

А л и к . Фу, какой! А почему этому Славке такой большой кусок колбасы? Он же не любит... *(Тянет к себе Славин кусок)*.

С л а в а . Подавись, обжора. *(Отбирает оба куска)*.

Небольшая свара, Юрий Андреевич наводит порядок, наградив их подзатыльниками. Пьют водку. Сначала пьет Алик – резко, поспешными глотками, точно боится, что отберут, подергивается всем телом, выпив, спешит закусить, морищится, трудно дышит. Слава смотрит на него, поднеся стакан ко рту. Потом переливает водку в себя, дует на кусок хлеба, нюхает его, ест. Елена пригубила из стакана Юрия Андреевича. Пьют Юрий Андреевич и Леха. Проходит Охлобыстин.

А л и к . Слышь, Андреич, что этот поросенок задумал?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Что же?

А л и к . Он жениться задумал. И сегодня к нему придет Ж а н н а . Он ни с кем, кроме меня, не делится, я ведь почти пустое место... (Славе). Я тебе женюсь, я тебе такое устрою, что не до свадьбы будет. А правда, если ему что-нибудь такое устроить, как ты думаешь, Андреич? Если, например... (Тянется к уху Вересова, что-то шепчет сквозь смех). Понял, да? Ты только помоги мне, и порядок. Не до женитьбы будет!

Слава сосредоточенно жуует, берет стакан, заглядывает в него, убеждается, что стакан пуст, внимательно смотрит на Вересова, что означает: «Давай, продолжим». Юрий Андреевич не замечает его взгляда.

Л е х а . Он правильно решил. (Он от выпитого ожил.) Все так делают.

С л а в а . И ты туда же? Злостный неплательщик алиментов, распутник.

Л е х а . Не обижай меня...

С л а в а . А ты не суй свой нос, куда не просят.

А л и к . Это действительно наше внутреннее дело. Вот вы, Лена, что вы думаете по этому поводу?

Е л е н а . Согласна с предыдущим оратором.

А л и к . Это с Лехой-то?

Е л е н а . Да.

С л а в а . Вы очень и очень ошибаетесь в этом человеке, он нехороший человек, он...

Л е х а . Будет тебе...

С л а в а . Нет, ты дай мне сказать. Дождешься, лишим права голоса. Права еды и питья тебя лишать опасно, еще пожалуешься начальнице...

Л е х а . Не стану жаловаться.

С л а в а . Ну и тип же ты, Леха. И откуда ты только взялся такой на нашу голову?

Л е х а . Слава, зачем ты задираешься, ну, скажи, зачем?

С л а в а . Нужен ты мне больно. (Елене). Вот видите, кого вы поддерживаете. Он же тип!

А л и к . Значит, вы считаете, что Славке следует немедленно жениться. Так я вас понял?

Е л е н а . Ну зачем же немедленно... Я не знаю... Может, ему и нужно немедленно...

А л и к . Вы меня плохо знаете. Если бы не я, ему действительно нужно было бы немедленно. Я помешал. Выстоял. Не допустил. Ну хорошо, он женится, а потом настанет похмелье... Я уж не говорю о том, что придется сидеть у ее юбки день и ночь. В конце концов, кому что нравится. Но ведь нужно будет где-то жить. Что вы на это скажете?

С л а в а . Зачем мне думать прежде времени?

А л и к . Володя Мельников тоже не думал, не думал, а теперь плачет. Он же идиотом стал, озирается по сторонам... А каким был! Он в воротах стоял, отчаянный был человек, лучший в институте... Я с ним был в отличных отношениях. Он уйму книг прочел, я всегда робел перед его начитанностью. Мне казалось, что такой парень достоин приличной участи, а что вышло? Он же на человека перестал походить. Только и слышишь: теща – то, теща – это... Да он на этой теще помешается, помяните мое слово, и очень скоро. Она что, стерва, задумала? Извести его под корень, вот что. Как на пенсию вышла, приспособилась дрыхнуть, пока они на работе. А по ночам свет палит, Вовкины книжки читает и с них, голубчиков, не спускает глаз, комната-то одна. «Ты, – кричит ему, – сначала материальную базу семьи обеспечить, а уж потом к Ляльке приступай». Смех и слезы. А Лялька, корова, лениво так боком поведет, смахнет его на сторону... Вы уж меня простите, Лена, но накипело.

С л а в а (мрачно). Все-то ты лезешь не в свои дела.

А л и к . Никуда я не лезу, я бы и говорить не посмел, если бы не он сам. Он или чокнется, или запьет горькую, как Леха. И тебя, Славка, ждет та же участь. Я себе не прощу тогда, что не образумил вовремя, не предупредил...

С л а в а . Твои опасения напрасны. У Жанны никого на всем свете, у меня – тоже. Нам квартиру дадут.

А л и к . Разбежались! Новый дом еще и не закладывали.

С л а в а . Заложат. Когда-нибудь...

А л и к . А до того где будешь ошиваться? Ты, значит, здесь со мной, а она там, за леском? Очень умно и удобно.

Л е х а . Так если они не распишутся, им вообще ничего не дадут. Никогда, понял?

А л и к . Ты, как посмотрю, большой специалист. Поднаторел...

Л е х а . Меня не обижай, я же просил.

А л и к . Вы поймите, я не хочу, чтобы Славка вот так же, как Леха, сидел и не хотел домой...

Л е х а . Верно говоришь, домой неохота. Иногда думаю, думаю, дай, думаю, не пойду домой...

С л а в аИ идешь в милицию...

Л е х а . Нет, сам не иду...

А л и к . Ведут под руки белые.

Л е х а . Ведут иной раз... ни за что.

С л а в а . Давай, Андреич, еще по одной?

А л и к . Подождем Диму, обещал быть.

С л а в а . А чего ждать? (*Вересову*). Мы, старичок, эти самые... камикадзе, нам сегодня все дозволено...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Дураки вы с Аликом.

С л а в а . Еще один мыслитель.

А л и к . У вас просто зуд какой-то стращать нас...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Не нравится?

Л е х а . Вот я бы ни за что не пошел. Еще когда был мастаком, тоже приходилось процесс на глазок вести, пару раз был близок. Тогда же и Павлик гробанулся... Представляете, мужики, со стенок соскребли, в полиэтиленовые мешочки сложили и на экспертизу... А потом привезли и втихаря закопали. Никому не сказали, только ближайшим родственникам, да и то в последний момент. В два часа дня гражданская панихида на кладбище, день будний, мы все за проходной, до конца смены хрен выйдешь на волю, и к тому же ничего не знаем. Четыре гроба в рядок, и в каждом мешочек. Так и похоронили – мешочек в посылочном ящике... С тех пор близко не подхожу, не боюсь, нет, – противно... в мешочке... И ведь случись что, виноват погибший, так уж заведено. Потому нужно думать, прежде чем соваться...

С л а в а . Слишком много говоришь – не к добру.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Он дело говорит.

Е л е н а . Идиоты.

А л и к . Спасибо. Очень верно сказано, но, увы, поздно...

Е л е н а . Никогда не бывает поздно.

С л а в а . Мы пойдем, и все будет в ажуре.

А л и к . А потом посмеемся над вашими ахами.

Ю р и й А н д р е е в и ч . А я почему-то уверен, что вы никуда не пойдете.

Л е х а . Я тоже.

А л и к . Не надоело? Давайте жить, пока живется.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ну что ж, жить так жить.

Л е х а . (*Мрачно*). Если что случится, я ее пришибу...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Детей пожалеешь.

Разливает остатки водки – всем поровну.

А л и к . Предлагаю тост – за прекрасных женщин! (Е л е н е) . Но с одним условием: пусть наши отношения с ними будут... дружескими, и не более того.

С л а в а . Козел! Признайся, ты просто не способен на другое.

А л и к . Высказался? И молодец. Но вернемся к тосту. Спросим себя: счастливы ли те, кто теперь за столом? Кроме тебя, Слава, разумеется, – у тебя все впереди.

С л а в а . Кое-что и позади остается.

А л и к . Не сомневаюсь, ты у нас недоверчив, на kota в мешке несогласный. Но остальные? Юрий Андреевич, наш покровитель, поилец и кормилец? У него в городе прелестная женушка, а спешит он к ней? (Е л е н е) . Спешит? Ничуть не бывало. Он здесь с нами чувствует себя прекрасно и раскованно. Леха. Этот и вовсе в листья бы закопался, чтобы до весны не нашли. Свою свободу дорого продает – гуляет напропалую. Потому как чувствует, что его содержат для вполне определенных дел... Если бы еще для детопроизводства, он бы понял. Однако нет, он для другого – должен быть самец в доме, как у порядочных людей, вот он и есть...

С л а в а . Ну ты и загнул, старик! И что это тебя на умозрительные рассуждения тянет в последнее время? погоди, сам до всего дойдешь, наощупь, наугад, тогда и поговорим.

А л и к . Наощупь, наугад... Противно! Я наверняка хочу, мне противно наугад, а также наощупь, понял? Да где тебе понять, ты каменный человек, пенек... Мы завтра туда полезем, а когда выберемся на волю, будет солнце и жизнь. Мы могли бы радоваться, а ты – жениться.... Это же проза, прости, грубая, как чернушка...

С л а в а . Тебе пирожные подавай?

А л и к . Нет, обойдусь. Я хочу жизнь ощущать, дышать свободно, без оглядки, а мне предлагают суррогат с пеленками, горшками, заначками на кружку пива... Это же пошло, пошло... Зачем мне такая жизнь?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ишь как повернул...

А л и к . Я гармонии хочу. Гармонии! А знаете ли вы, мыслители, что такое гармония?

С л а в а . Скажи уж, не томи.

А л и к . Не стану. Вам этого, к сожалению или к счастью, не понять. Умом – вы еще как-нибудь, а вот сердцем – увы. С вами хорошо только водку пить.

Пьет водку мелкими глотками. Слава неотрывно следит за ним, морщится, поддегивает плечом.

С л а в а . И где это ты так насобачился пить? А? Глаз, кажется, не спускал с тебя последние годы... То ли взрослеть начинаешь, наконец, то ли...

А л и к (*перебивает*). О тебе говорить не хочу. А пить я научился, глядя на вас, горемык. Жалко мне вас стало, вот я и пью горькую водку. С отвращением, но терплю.

Звенит звонок в прихожей.

Открыто!

Входит Дима.

Дима, радость моя! Наконец-то! Эти охламоны всю водку выдули.

Ю р и й А н д р е е в и ч (*здоровается с Димой за руку, представляет ему жену*). Моя жена Елена. А водка у нас, братцы, еще имеется, не пуст загашник, не пуст. (*Тянет из-под стола непечатую бутылку*). Садись, Дима, гостем будешь. Алик, стул из комнаты молодоженов!

Д и м а . У меня тоже кое-что есть. (*Выкладывает на стол сверток, разворачивает*). Родственники с Волги прислали. Пивка бы теперь...

Л е х а (*вскакивает*). Будет пиво!
А л и к . Вот это человек! Пошли, Леха.

Выходят вместе, скоро хлопает входная дверь, Алик возвращается один.

Д и м а . За что пить будем?
Ю р и й А н д р е е в и ч . Алик предлагает за женщин. Чтобы с ними жить в дружбе.
А также в мире.

Д и м а . Это можно. Только они-то согласны? (*Смотрит на Елену*).

Е л е н а . Они только о том и мечтают.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Лена...

А л и к (*подозрительно*). И здесь чем-то припахивает... этаким.

Е л е н а . Нюх у этого Алика...

А л и к . А как же...

Д и м а . Тогда поехали. (*Пьет, закусывает*). Мельникова встретил. Что это с ним? Орет:
«Прикончу и – точка. И – по этапу...» – Кого это он?

А л и к . Тещу. Та его к Ляльке не допускает.

Д и м а . Понятно. Вот кому жильё нужно. Директор вернется, пойду на прием. Жаль парня.

С л а в а . Я бы поговорил с такой тещей, спала бы, как мышь...

А л и к . Ты очень решительный человек, крупный специалист по наведению мостов.

С л а в а (*пьет, переворачивает стакан вверх дном*). Все!

А л и к . И больше – ни-ни?

С л а в а . Ко мне придут, нужно быть в форме.

А л и к . О ближнем ты не думаешь. Мог бы попросить Жанну привести с собой особу женского пола...

С л а в а . Ну уж нет, сам обеспечивайся.

А л и к . А что, думаешь, не обеспечусь? Выйду на проспект, закадрю такую девку, упадешь.

С л а в а . Пока ты на это решишься, у меня внуки пойдут.

А л и к . Самец ты, Славка, истинный самец, потом пропахший, волосьем обросший, жадный ты человек, вот что я тебе скажу.

С л а в а . Приму к сведению, только на сегодня выметайся.

А л и к . И Андреич тоже?

С л а в а . Андреич в город настроился.

Ю р и й А н д р е е в и ч . С чего ты взял?

Е л е н а . Юрий Андреевич останется здесь.

А л и к . Вот если бы и вы остались...

Е л е н а . И не подумаю, с меня хватит.

А л и к . Мы бы в киношку смотались втроем, а? Там идет кинокомедия со стрельбой и страшными убийствами.

Е л е н а . Спасибо.

Д и м а . Смотрю на вас и удивляюсь – спокойны вы больно. Ну, эти-то ладно, недоумки, а ты, Юра?..

Ю р и й А н д р е е в и ч . Я, кажется, сам туда полезу, этим кончится.

Д и м а . Ничего умнее не рассчитывал услышать.

С л а в а . Тебе не надоело, Дима?

А л и к . Нам уже надоело. Пойдем, Слава, чаек сообразим.

Уходят.

Д и м а . Никак не могу понять, отчего людям не сидится, отчего тянет их все выше и выше?..

Ю р и й А н д р е е в и ч . Ничего не поделаешь, таков человек, не сидится ему в тепле, иной раз на мороз хочется.

Е л е н а . Может, оттого, что после мороза тепло теплее?

Д и м а . Прогресс необходим, это очевидно, но возьмите альпинистов. Мужественные ребята, не сомневаюсь, только мужество их бездуховно, а, следовательно, порочно. Или спорт... И сродни всему этому – война. А ведь есть на земле народы, для которых альпинизм просто форма существования, для других – спорт без рекордов и медалей, только война остается так, не пришей кобыле хвост... Мы намерены сунуть ребят в прорву... Что это? Глупость или привитая потребность лезть на рожон даже там, где можно спокойно, не напрягаясь через силу, сделать дело хорошо и чисто?

Ю р и й А н д р е е в и ч . В этом есть некоторый смысл... История знает времена, когда люди или народы выживали лишь благодаря предельному напряжению всех сил. Выбирать не приходилось – разговор шел о жизни и смерти.

Д и м а . Ясно. Но ведь это же типичный переходный процесс, он не может длиться долго. Попробуй растянуть процесс включения двигателя на час, и он сгорит. Ни двигатель, ни человеческое общество не в состоянии жить долго в переходном процессе – немедленная реакция – износ, вырождение. Переходный период – это низшая форма жизни, ее черновик. Его главный лозунг прост – любой ценой то-то и то-то. В природе примеров такой организации нет – природа знает свой болевой предел, предел прочности... А людям твердят... теоретики, разумеется, что предела нет. А если он все-таки есть?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Человек тем и занят, что ищет предел.

Д и м а . Завтра мы попытаемся сделать еще один маленький шаг в этом направлении. Только постижению подлежит предел глупости. Какая-то Карякина, какой-то Замятин, желая выслужиться, лезут из кожи, а мы наблюдаем, стоя рядом, ждем, что из всего этого выйдет. Ребят списывают со счета как нечто неодушевленное, используют как придаток машин и вопят о прогрессе, о необходимости идти в ногу со временем, о прочей белиберде... Не могу.

Поднимается, выходит.

Е л е н а . Юра, что же будет?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Знать бы...

Е л е н а . Я поеду?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Не торопись.

Е л е н а . Ты не говори со мной таким раздраженным тоном, не нужно, милый. Хочешь, я съезжу к шефу? Он остановит своей властью...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Поздно. Да и станет ли он вмешиваться?

Е л е н а . Уверена, станет.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Мне кажется, что никому до нас нет дела.

Е л е н а . Неправда.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Как поживает моя теща?

Е л е н а . Спрашивает, как поживает зять.

Ю р и й А н д р е е в и ч . Так и спрашивает? Впрочем... у нас с нею полное понимание своих задач. Не то что с тобой.

Е л е н а . Была бы надежда...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Всегда есть надежда.

Входит Леха с бидоном в руках.

Л е х а . Ну и надымили же вы, братцы! Хоть топор вешай. Представляете, едва ушел от подруги дней моих суровых... *(Прислушивается)*. Неужели взяла след? Не хочу!..

Появляются Слава, Алик и Дима.

А л и к *(Лехе)*. На тебе, Алексей, лица нет. Заслышал знакомый каблук?
Л е х а . Точно.

Стук в дверь, звенит звонок. Леха затравленно озирается. Медленно отворяется входная дверь, слышен осторожный голос Карякиной: «Можно?»

А л и к *(кричит)*. Входите, Ольга Владимировна, гостем будете. Мы вам всегда рады.

Появляется Карякина, у нее затрапезный вид, она в халате, на плечи наброшено пальто.

К а р я к и н а . Ничего нового не рассчитывала увидеть. *(Замечает Леху, делает шаг к нему)*. Вот ты где... А ведь я тебя жду, скотина.

Л е х а . Ну зачем же так, мама, при посторонних?

К а р я к и н а . Я тебя жду, жду... *(Всхлипывает)*.

Л е х а . Ты иди, мама, я сейчас, иди, будь человеком...

Д и м а . Присаживайтесь, Ольга Владимировна, мы чай собрались пить...

К а р я к и н а . Вижу, какой чай, вижу. И как же вам, Дима, не стыдно?

Л е х а . Уходи! Видеть тебя не могу, не хочу, не желаю...

К а р я к и н а . Ну ладно, Алексей, я с тобой иначе поговорю. А вам... стыдно, стыдно... он же спивается.

Л е х а . Не ходи за мной по пятам, а то знаешь, что я сделаю? Знаешь?

Д и м а *(Лехе)*. Уймись.

Л е х а . И ты командовать? Все вы... раскомандовались.

С л а в а . Уходи, Леха.

Л е х а . А пиво?

А л и к . Перебьешься.

Л е х а . Вы думаете?

С л а в а . Думаем.

Л е х а . Ну и черт с вами! Мир не без добрых людей...

Срывается, выбегает вон. Следом понуро выходит Карякина. После их ухода все некоторое время подавленно молчат.

А л и к . Это называется семейная жизнь...

С л а в а . Заткнись, философ.

Д и м а . Что ни говорите, а мне ее жаль...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Это пройдет.

Д и м а . А если нет?

С л а в а . Заньли...

Д и м а . Никуда вы не полезете, чую.

А л и к . Нервишки у тебя, Дима, ни к черту.

Д и м а . Я не могу поверить, что можно так просто распорядиться человеческой жизнью...

А л и к . Двумя молодыми человеческими жизнями.

С л а в а . А никто, представь себе, и не думал распоряжаться. Если бы только посмел, я первый не полез бы, понял?

Е л е н а . Знали бы вы, на что идете...

Ю р и й А н д р е е в и ч . Они знают.

С л а в а . Старая песенка, и она нам надоела.

Д и м а . Плевать мне на то, что она вам надоела, плевать мне на все это... Поймите, это же безумие. Оборудование не готово, работать нельзя даже без вас – кроликов, мастерскую нельзя пускать... А вам... точно жизнь обрыдла.

С л а в а . Ну уж нет!

Ю р и й А н д р е е в и ч . Пацаны...

Е л е н а . Я больше не вижу ни малейшего шанса...

А л и к . Ах, вот оно что – вы больше не видите...

Е л е н а . Я, к вашему сведению, несколько лет занимаюсь подобными состояниями. И я...

С л а в а . Что вы нас запугиваете? Сговорились?

Д и м а . Они безнадежны. *(Оживляясь, Андрею)*. Есть там у тебя?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Есть.

Д и м а . Тогда что же ты?..

Гаснет свет. Вновь зажигается, прошло несколько часов, теперь за окном сумерки. За столом сидят Слава и Жанна. Тесно прижались друг к другу, читают книжку.

Ж а н н а . Славка, что же будет?

С л а в а . Ничего особенного, радость моя.

Ж а н н а . Я все знаю...

С л а в а . Ты всего не знаешь, все знает один Дима.

Ж а н н а . Славка...

С л а в а . Что?

Ж а н н а . Мне страшно.

С л а в а . Мне тоже... по улицам ходить, того и гляди под мотор угодишь... Очень страшно. Молодожены не приедут...

Ж а н н а . Мне страшно, Славка.

С л а в а . И мне. Ты сегодня останешься здесь.

Ж а н н а . И не подумаю.

С л а в а . Подумаешь. Ты умница, а умницы все думают. Все вы сплошь умницы. Алик, Андреич, Дима, ты... Странная у Андреича жена. Она его любит, нашего Юрия Андреевича. Она так внимательно смотрит на него, а он... он ее не жалуется. Околачивается здесь с нами... Разве же можно такую жену оставлять одну? Я тебя никогда одну оставлять не буду...

Ж а н н а . Еще как будешь.

С л а в а . Ну, хорошо, буду. А сегодня – не буду. Ты сегодня останешься здесь. Она, мне кажется, даже не теплая, хотя очень умная. Это подозрительно...

Ж а н н а . Кто умная?

С л а в а . Его жена. Она умная и крепенькая. На первый взгляд. А что там в глубине... поди, разберись. Она сильная – возможно. Ты тоже сильная?

Ж а н н а . Пожалуй, нет.

С л а в а . Если женщина умная и крепенькая, это подозрительно.

Ж а н н а . Я дурочка.

С л а в а . Точно. И ты останешься здесь, молодожены сказали, что, если до семи не явятся, не будут совсем. Они поехали к его родителям в Ленинград. У него родители что надо. Папа – профессор нашего института, мама – тоже что-то в этом роде. Дом у них – полная чаша и еще немного. Мы бывали там пару раз с Аликом. У нас будет такой же дом... со временем. Они очень боялись, что их прогонят, как только узнают. Женились-то без спроса, даже не позвали на сочетание. Не прогнали, видать, а то бы уже были. Хорошо, что у нас никого нет.

Ж а н н а . Плохо.

С л а в а . Нет, хорошо. Представь, сколько было бы всяких разговоров, недоумений, а толку? От Алика не успеваю отбредиваться... Ты хоть помнишь своих?

Ж а н н а . Помню.

С л а в а . А я нет. Ничего не помню, это было так давно. Отца... они привязали к скамейке, голого, спину натерли теркой, посыпали солью... Он страшно кричал... Потом убили. А маму... нет...

Ж а н н а . Слава!

С л а в а . Меня нашли... Три дня боялись подойти к хутору – такой был назначен срок. Потом пришли из деревни. Я еще дышал. Отогрели. Я ездил туда с Аликом. Все заросло травой... Был долгий перерыв... Мы продолжим.

Ж а н н а . Ты это хорошо сказал – продолжим... А если завтра?

С л а в а . Перестань, надоело...

Слышны голоса в прихожей.

Входят оживленные Николай Иванович и Виктор Афанасьевич. Они веселы.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А, молодые люди! А мы немножко того... Посидели в вашем кафе, поужинали. Хорошее у вас кафе, большая забота о вас проявлена... Вы чего такие унылые?

С л а в а . Мы не унылые, мы счастливые. За вами шеф приходил. И его жена. Просили передать, что ждут.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А чего мы у них забыли? Ничего.

В и к т о р А ф а н а с ь е в и ч . Я пойду, пожалуй, Николай Иванович, сосну часиков десять, что-то меня в сон клонит, как сюда приехал. Часовые пояса перепутались...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Иди, голубчик. Я теперь ни за что не засну, посижу вот с молодыми, вы не против? А ты иди.

Виктор Афанасьевич выходит в отведенную им комнату.

Вот бы сообразить чайку, а?

Ж а н н а . Я поставлю.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Сделай одолжение, милая.

Жанна выходит.

Ты, значит, Слава будешь, а тот, глазастенький, Алик?

С л а в а . Точно.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Забрал бы я вас, мальчишки, с собой.

С л а в а . Зачем мы вам? Вы же теперь в Москве.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Так-то так, но не думаю, что главк надолго. Чужой я в Москве человек. А с Алтаем сросся. Сколько там прожито, пережито... Нигде не могу долго. Тоска... Вы бы мнегодились...

С л а в а . Мы здесь по распределению. Отработать должны...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . А я вас мигом перераспределю.

С л а в а . Заманчивое предложение.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Только слово скажите... У меня дом готов, а селить некого. Квартиру дам. Если один – однокомнатную, на двоих – двухкомнатную. Со всеми мыслимыми удобствами и даже с телефоном. Мы теперь, брат, живем по первому разряду. И кафе у нас имеется, и ресторан с танцульками. Оркестр свой, клуб опять же... Как?

С л а в а . Вы Дед Мороз?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Ничуть не бывало. Я и спрошу, если что, я только с виду такой – простоватый, а копни поглубже – страшный человек. На своем стою железно, каменно. Большие дела близятся – огромные. КБ создадим не хуже вашего. Людьми разжиться бы, а там дело пойдет. Ну как?

С л а в а . Подумать можно, посоветоваться?

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Думать, думать и еще раз думать. А потом делать. Так привык, так и других учу.

Входит Жанна с чайником и чашками. Накрывает на стол, разливает чай.

Вот и девочку с собой возьмем. (*Жанне*). Специальность есть?

Ж а н н а . Техникум кончаю.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . И хорошо, просто замечательно. Вдвоем и приезжайте. Я все вам объясню и расскажу. А в Москве выправлю бумажки, переводом и поедете. Подъемные, суточные и все такое прочее... Идет?

С л а в а . Идет.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Выходит, вы уже отчасти мои люди. Так вот, первое вам задание: завтра – чтобы... не соваться в пекло. Ясно?

С л а в а . Так мы не договаривались.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Так договоримся?

С л а в а . Нет.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Люблю упрямых, сам упрямый, аж жуть берет иной раз, но...

С л а в а . Не нужно об этом...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Вы пожениться надумали?

Это хорошо. Вот и окрутим вас. С Мендельсоном, как полагается, и шампанское откупорить найдется... И медовый месяц... на недельку сообразим... в лесу, на природе. Дом отдыха отгрохали, горячие источники, ванны. (*Смотрит сначала на Славу, потом на Жанну, молчит*). Может, договоримся, а?

С л а в а . Нет.

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Жаль. Ну да ладно, утро вечера мудренее. За чаек спасибо, духовитый он у вас, вкусный. Пойду на боковую, постараюсь заснуть. Завтра рано вставать...

Выходит.

Ж а н н а . Славка...

С л а в а . Знаешь, что предлагал этот дядя?

Ж а н н а . Догадалась. И как?

С л а в а . А ты?

Жанна . Я с тобой, и я за.
Славя . Мы вместе – ты и я.
Жанна . Вместе.
Славя . Ты не уходи сегодня.
Жанна . Не уйду. Больше никогда не уйду.
Славя . Ты хорошая.
Жанна . А Алик согласится ехать?
Славя . Конечно.
Жанна . Уверен?
Славя . Еще бы!

*Уходят обнявшись, в комнату молодоженов, плотно притворив дверь за собой.
Входят Алик, Юрий Андреевич и Леха. Леха, на удивление, трезв и прилично одет.*

Алик (Лехе). Думаешь, они уже вернулись?
Леха . Ну конечно. Я следил... Представляешь, Алик, у меня есть отец. Странно, но я всегда чувствовал, что что-то не так, что-то от меня скрывают. Мой отец. Мама плачет, сказала, что он не хочет видеть ее... Может быть, и меня не захочет?..

Из своей комнаты выходит Охлобыстин. Он крепко пьян.

Охлобыстин . Кого я вижу... Леха. Заходи, у меня опять день варения... Я тут кое-чего припас... обрадую. Дружки давние, очень давние, бутылочку преподнесли... такую бутылочку... Как не угостить друга дорогого... Пошли, Леха, давай, двигай... А ты, Алик, иди, тебя не уважаю, понял, нет? Пошли, Леха, пошли...

Леха . Почему бы и нет? Пошли, если не шутишь... Тем более, что у меня к тебе дельце есть. Очень даже серьезное дельце... Бывайте, ребята! Мы с вами еще встретимся, если не в этой, так в следующей жизни.

Алик . Что ты опять затеваешь, Леха? Ты же хотел с отцом поговорить...

Леха . Не нужно, Алик. Он не стал встречаться с мамой, зачем же мне...

Идет за Охлобыстиным в его комнату. Притворяет за собой дверь.

Алик . Этого только не хватало. Я подумал, что Леха остепенился. Эта скотина обязательно все испортит... (*Идет следом – к двери*). Я тебе все скажу...

Юрий Андреевич . Оставь их в покое.

Алик . Ладно, черт с ними. Горбатого могила исправит. А где Славка с Жанной?

Юрий Андреевич (*показывает на дверь молодоженов*). Там... И этих оставь в покое.

Алик . Оставить, думаешь? Ладно, оставляю, только чтобы потом не было разговоров... Видать, дело далеко зашло, и ничего-то уже не исправишь. Счастья им... И все-таки, старик, этот Славка прежде всего... самец... (*Молчит*). И самое смешное, я немножко завидую ему... самую малость. С чего бы это, Андреич?.. Нужно спать ложиться, а так не хочется...

Действие третье

Пультовая. Контрольно-измерительное оборудование по стенам. Посреди комнаты – отлично выполненный с соблюдением всех норм дизайна просторный пульт управления мастерской. Работающие за ним сидят спиной к зрителям. Перед пультом, на стене – экраны проекционных видеоконтрольных устройств – в их рамках действуют Алик и Слава, внутренним освещением создается иллюзия телевизионной картинки. Технически разрешима также строчная структура телевизионного раstra. Перед пультом управления – ряд стульев с вращающимися сиденьями. На центральном месте оператора – Дима. Слева от него – Юрий Андреевич, справа – Карякина. Замятин, Николай Иванович и Виктор Афанасьевич сидят в стороне вокруг низкого отдельного столика, на котором в литровой банке скромный букетик цветов. Справа – дверь к оператору видеоманитофона, она закрыта. Действие идет в виде диалога присутствующих в пультовой людей с Аликом и Славой, которые появляются время от времени, каждый в пределах своего «экрана».

З а м я т и н . Что они там примолкли?

А л и к . Не примолкли мы, мы здесь в большом порядке, уважаемый Иван Егорович и не менее уважаемая Ольга Владимировна. Так, Славка?

С л а в а . Так-то так, да только колотун здесь страшный.

А л и к . Верно, работенка у нас – что надо, ватник бы какой заваливший не грех выдавать за вредность, а то прицепится какая-нибудь гадость вроде радикулита... Почему-то не положены ватники инженерам, только гегемонам...

С л а в а . Ты хорошо подметил, нам радикулит ни к чему. Был у меня знакомый старикашка. Все его устраивало в современной молодежи, одного он не мог взять в толк – почему мы совершенно не думаем о предстоящем радикулите. Все остальное ему нравилось. Ты тогда посмеялся, теперь вспомнил, молодец.

А л и к . Тебе радикулит не страшен – женитьба сделает тебя юным и бессмертным...

С л а в а . Там Ольга Владимировна, и мне не хотелось бы обсуждать эту проблему при ней.

А л и к . И то верно. Дима, будь другом, выруби трансляцию. На минутку. Я скажу сластолюбцу пару-тройку периодов суровой прозы, а то он что-то забываться начал. Будь другом, Дима...

К а р я к и н а . Дима...

С л а в а . Думаешь, Ольга Владимировна не знакома с вольными словесами? На Леху глядя да еще и слыша, этого не скажешь. Муженек ваш, Ольга Владимировна, известный специалист по нецензурной речи, можно сказать, профессионал. И где только нахватался?

А л и к . На флоте Леха служил, а там сплошь профессионалы, начиная с командира корабля и кончая трюмной крысой. Мы всего месяц были на практике и то запаслись на годы, а уж он...

С л а в а . Дима, теперь я прошу тебя, выруби трансляцию, я Алика просвещу. Д и м а . Кончайте балаган, надоело.

А л и к . Вот и Диму разобрало, а в мужской компании что ни слово... Ох уж этот Дима! И Иван Егорович иной раз такого петуха подпустит!.. Когда изволит гневаться.

С л а в а . У него плохо выходит, нарочито, по-интеллигентски.

З а м я т и н . Алик!

А л и к . Весь внимание, Иван Егорович! Вы наш...

Дима вырубает трансляцию, Алик беззвучно шевелит губами.

З а м я т и н . Дмитрий Иванович, включи.

Д и м а . Они же...

З а м я т и н . Все равно включи, не теперь...

Д и м а (*включает*). Как хотите...

А л и кя уверен, что все наши беды начинаются с лишения права голоса. А там – пошло, поехало... Так черт знает до чего докатиться можно. Согласись, Слава.

С л а в а . Соглашусь. Отчасти... Ты там ушами не хлопай, у меня температура ползет настойчиво так. Поддай-ка жидкого.

А л и к . Жидкого так жидкого, мне не жалко. И чего людей на жидкое тянет? Интересно, водку можно сделать в твердой фазе? Вот была бы потеха! Погрызем по таблетке? А как таблетку на троих? И закуска – тоже в таблетках! Не жизнь, а малина – сухим пайком. Ну, как теперь? Годится?

С л а в а . Нормально.

Д и м а . Юра, как со временем?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Смеситель на ноль восемьдесят пять заполнен, еще немного...

З а м я т и н . Температура?

Ю р и й А н д р е е в и ч . Сорок четыре – по средней точке. Разброс есть, но небольшой, в пределах двух градусов.

З а м я т и н . Ну что ж, товарищи, кажется пирог будет...

Н и к о л а й И в а н о в и ч . Не спугни прежде времени.

К а р я к и н а . Сглазите, Иван Егорович.

Д и м а . Вы бы не сглазили.

К а р я к и н а . Дмитрий Иванович, не пора ли перейти на более любезный тон. С женщиной говорите...

Д и м а . Думаете, самое время?

К а р я к и н а . Конечно. Иной раз вы таким букой становитесь...

Д и м а . Не иной раз, а только когда вижу вас.

З а м я т и н . Чего вы никак не поделите, в толк не возьму.

Д и м а . Нам нечего делить.

А л и к . Хотите я вам анекдот расскажу?

Д и м а . Валяй, Алик.

А л и к . Слушайте. Славка! Ты тоже слушай, нечего рассматривать идиотскую мешалку, никуда она не денется.

С л а в а . Ты не прав, старичок, не идиотская мешалка, а смеситель конструкции Ивана Егоровича Замятина, по-народному – пьяная бочка...

А л и кусовершенствованный... до неузнаваемости Ольгой Владимировной Карякиной. Лучше бы она не бралась не за свое дело... (*Последние слова он произносит тише, но в пультовой они слышны*).

К а р я к и н а . Ребята шутить изволят...

Д и м а . Алик, ты обещал анекдот.

А л и к . Ах да, мы несколько отклонились, так сказать, в историю вопроса, скользнули в прошлое, но мы это дело немедленно поправим. Итак, анекдот. Дима, ты мою камеру врубил?

Д и м а . Твою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.